

ПЁТР ИНГВИН

ЗИМОПИСЬ

книга четвертая

КАК Я БЫЛ НОМЕНОМ

18+

Петр Ингвин

**Зимопись. Книга четвертая.
Как я был номеном**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ингвин П.

Зимопись. Книга четвертая. Как я был номеном / П. Ингвин —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Фантастическая сага о любви и долге в шести книгах, с провокациями на темы семьи, политики и религии. «— Пятая заповедь гласит: не убий, если это не враг, посягнувший на твою жизнь, семью и родину. Семью! — Его рука нетерпеливо поигрывала мечом около Тома. — Меня простят».

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Часть вторая	39
Глава 1	39
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Часть первая

Уже не одни

Глава 1

Земля превратилась в грязь. Каждый шаг давался с усилием, рука опиралась на дубинку, как на трость. Времени прошло всего ничего, а мы уже валились без сил. Проснулся голод.

– Я могу сделать еще веревочки... – устало вымолвила Марианна.

– Это долго, и руки будут болеть.

Никто не знает, что ждет через минуту. Изготовление веникообразной фикции в роли одежды отнимет самое драгоценное – время. Конструкции, которыми украсила нас вчера Марианна, только мешали и разваливались на ходу. Повторять ошибку нет смысла.

На мою пращу царевна больше не покушалась. Хорошо иметь в напарниках воительницу, которая понимает, что последнее оставшееся у нас оружие однажды может оказаться последним шансом.

– Тогда ты просто иди впереди и не оглядывайся. – Спутницу в очередной раз шарахнуло в другую крайность.

– Смотреть во все стороны – моя обязанность. Совсем не оглядываться не смогу, так что предложенный вариант хорош, но не идеален.

– А кто из нас идеален? – Напарница по приключению тихо вздохнула. – Ладно, оглядывайся. Но только по делу.

О том, что всю дорогу сам буду маячить у нее перед носом, сия ума палата скромно умолчала.

Утро началось с объятий. Я не виноват, само получилось, глаза открылись – а оно вон как, оказывается. Еще год назад с ума бы сошел от привалившего счастья, а сейчас нервничал. Поумнел? Скорее, повзрослел. Когда чего-то долго добиваешься – ценишь, что дается само – можешь взять, если нужно. Сперва подумав, конечно. Но то, что навязывается...

Нет, Марианна не навязывалась, она таким образом завоевывала меня. По-другому не умела.

Для себя я вывел формулу своих с ней взаимоотношений: не идти на поводу, отвергать неприемлемое и не тратить нервы на прочее. Сразу стало легче.

По пробуждении сначала пришлось убеждать соседку, что она уже не спит. Затем – что не все так здорово, как кажется на первый взгляд. И, наконец, что ночь ничуть не изменила моих позиций. Уединенность и невероятная интимность момента подталкивали напарницу к налаживанию более тесных контактов, ей хотелось тепла и счастья. Мне тоже, и еще как. Только на месте случайной спутницы представлялся совсем другой человек.

Желания душ оказались не взаимными, это воспринялось как обида. Глупая, ребячливая... короче, обычная женская обида на то, что не все в мире по ее мечталке. Я показал силу воли, отказавшись от желанного ради высшего. Марианна в ответ тоже мне показала – исключительно в переносном смысле. Царевна помрачнела, надолго умолкла и чуть не убилась при спуске с дерева, где ночевали. Еще и отбрыкивалась от помощи, ведь я при этом буду: а) смотреть, б) трогать. То, что благодаря этому ее драгоценная шкурка спустится без увечий, в расчет не бралось. Итог: содранная кожа на запястьях, груди и животе, которыми тормозили о кору, и все равно приземление на мои руки – вопреки воплям отойти и не мешать. И никакого спасибо. И ладно. В следующий раз могу послушаться.

Не могу. Я мужчина, она моя подопечная, за которую несу ответственность. Пусть вопит, сколько влезет, поступать буду по-своему.

В путь мы отправились голодными, только водички хлебнули при умывании. Трава и листья опротивели, на добычу и приготовление чего-то более серьезного не было времени. С отсутствием одежды тоже как-то свыклись. Сначала царевна еще что-то придумывала, пыталась сплести подобие венка на пояс. На талии «венки» держался отлично, но при навешивании свисающих элементов, в которых заключался весь смысл, конструкция рушилась. Марианна переделала плетеный пояс и повязала ниже, прямо на бедра. После нескольких движений ногами все опять порвалось. Спутницу неудачи бесили, но упорства ей не занимать. Некоторое время она несла перед собой наломанную с кустов охапку, скрывавшую все сверху донизу, и все бы хорошо, но вскоре руки устали. Затем она загнала меня на дерево с требованием отломить раздваивавшуюся листовую ветвь. Я решил не спорить и посмотреть, что получится. Повесив разлапистые половинки через плечо, Марианна превратилась в ходячий шалашик. Вроде бы снова все прекрасно, и меня тоже теперь можно бы одеть похожим образом... Я не торопился. И правильно. Через десять минут девичье плечо натерлось о жесткое раздвоение, и ни в чем не повинные ветки со злостью полетели в кусты. Смирившись, царевна предложила мне вышеуказанный вариант, где она будет идти сзади. Вот и ладушки, главное в этой фразе – идти. А вскоре придется плыть. В воде одежда снова станет лишней, чего же сейчас заморачиваться? Правда, Марианна, в отличие от некоторых, в стае не жила, потому к проблеме относилась не столь философски.

Я указал на середину ближайшего дерева:

– Это смола.

– Ее едят?

Вспыхнувшая надежда споткнулась об уныло опустившиеся углы моих губ.

– Зато она густая и липкая. Приклей большие листья на места, которых стыдишься, и проблема надолго закроется.

– Я себя не стыжусь! – Царевнин взгляд сжег меня с потрохами, царственная осанка еще больше выпрямилась, став императорской, не меньше. – Я... тебя стыжусь. А себя мне стесняться нечего, у меня все в порядке.

– Ну, приклей на места, которыми гордишься.

В меня полетела колючая ветка. Увернулся. Через минуту сзади раздалось:

– А смола быстро смывается?

– Вопрос некорректен. Я не знаю, смывается ли она вообще.

Ниже спины ударила еще одна ветка.

– Ты хотел, чтоб я стала липкая и грязная, да?!

– Расскажу притчу. Шли два... – Срочно: кем заменить монахов и девушку? Ладно, по ходу выкручусь. – Два святых человека. Увидели, как через лужу не может перейти симпатичный человек другого пола. Симпатичный, прямо до... бабочек в животе. И так пробовал, и этак, и юбку задирает по самое не балуй. Один святой принялся молиться об укреплении духа: «Отдаю мечты и поступки Алле-воспитательнице, да простит и примет. Убираю пороки из жизни и мыслей. Берегу честь и репутацию, ведь потом они сэкономят меня...» А второй взял симпатягу на руки и перенес на другую сторону лужи. Вернувшись к молившемуся, он молча зашагал с ним рядом, все было вроде бы нормально, но через полчаса он услышал гневное: «Ты пошел на поводу у греха! Ты не должен был касаться этой... искушающей особы, ты допустил порочные мысли!» На что последовал ответ: «Во-первых, я исполнил закон «Помогать окружающим, ведь потом они помогут мне». Во вторых я перенес и забыл, а ты все еще несешь».

Спутница задумалась.

– Я жаловалась, что ты хотел сделать меня липкой и грязной, а в ответ услышала притчу. Значит, с намеком. Хочешь сказать, что я уже... липкая и грязная, только в переносном смысле?

Ну ни фиги себе, гигант мысли. Я, конечно, имел в виду что-то такое, но не столь откровенно. Пришлось успокаивать.

– Я тоже руководствовался законом «Помогать окружающим, ведь потом они помогут мне». Тебе требовался заменитель одежды, я предложил решение. О том, что одно повлечет другое, как-то не думалось. Виноват, исправлюсь. В качестве моральной компенсации вот тебе вкусный корешок.

Некоторое время шли молча. По той стороне реки виднелось далекое непонятное движение. Возможно, это искали нас. Мы можем подать сигнал: мол, живы, не переживайте! Дымом днем, костром в ночи, выложенными огромными буквами, мало ли. Варианты есть, смысла нет. Сигнал займет уйму времени, лучше употребим его на самостоятельное возвращение. Ведь пусть даже сигнал дойдет, и что? Нам чем-то помогут? Только переживать начнут. И уже будет, от чего: на этой стороне тоже найдется, кому за чужими сигналами смотреть. Лишнее к себе внимание – лишние проблемы.

Проблем и здесь хватало. Выброс лишней жидкости обретал статус военной кампании. О ней долго умалчивали, затем, краснея, сквозь зубы извещали союзника. Начиналась рекогносцировка местности, составление планов, обеспечивались разведка и безопасность. Со стороны царевны еще звучало глупое требование неслышимости, то есть я должен находиться от места ее засады на достаточном расстоянии. Как в таком случае отвечать за ее жизнь? Благословенны времена стаи: что естественно – то не безобразно. Тома в этом ушла даже дальше меня. С Марианной не проходило. После вчерашнего переохлаждения отбегать по надобности приходилось часто. Не знаю, как это связано, но жутко неудобно во враждебных условиях.

– Дальше! – требовательно принеслось из кустов, где сейчас пряталась напарница.

– Я достаточно далеко.

Пристально изучаемая глазами местность неурядицами пока не грозила. Нам везло, до сих пор ни на кого не напоролись. Как долго продлится везение?

– Я специально сказала негромко. Услышал – значит, близко.

– Это небезопасно. Я потеряю тебя из виду.

Возмущенный вопль:

– Из виду?!

С такой, как говорится, каши не сваришь. Нужно что-то делать, и вообще с любой проблемой нужно справляться раньше, чем она справится с нами.

Через минуту красная от негодования царевна оказалась рядом.

– Ты не имеешь права смотре...

– Пригнись! – Я резко упал на землю.

Царевна повторила за мной с удивлением, но без возражений. Только спустя минуту она увидела ватагу ребятишек, которых у меня получилось услышать раньше.

С шумом и перекликиванием больше десятка юных сорвиголов неслись к реке. Моя рука сама собой потянулась перекреститься, хотя никогда в жизни этого не делал. От облегчения: пацанята были нормальные. Не Фристовы разрисованные молчуны, не затурканные крепостные, что от каждого столба ожидают неприятностей или волков. Эти ничего не боялись. С визгом и оглушающим гиканьем мчались босыми ногами к воде, по дороге скидывая через голову длинные, доходившие до колен рубахи. Собственно, рубахи-балахоны составляли всю их одежду.

И тут меня заметили. Угораздило же приподнять макушку.

– Эй! Давай с нами! – раздалось в мою сторону.

А вот и дам. Где наша не пропадала и потом не находилась!

– Лежи тихо! – потек мой шепот к распластанной ничком царевне. – Голову не высывай.

Я помчался к взбурлившим прибрежную воду ребятам. Старшему было на пару лет меньше, чем мне. Младшему не больше семи.

– Ты откуда? Как зовут? Тихаревский или Еконоградский? Не представляешь, как уже домой хочется! Не слыхал, когда? Тоже с орехов или по глядельной части? Как думаешь, долго нам еще тут? Сможешь меня подкинуть? Плаваешь хорошо? – завалили меня вопросами.

– Артем, – с достоинством лидера представился один из старших мальчиков; видимо, местный заводила. – А тебя как кличут?

– Вася. Плаваю хорошо. Насчет дома ничего такого не слыхал. Я оттуда. – Моя голова небрежно качнулась в сторону изгиба реки с отмелью, откуда мы шли с царевной. Короче, не соврал ни разу, с чем себя и поздравил. – Давай, подкину.

Подставив ладони, я помог мелкому пацаненку взобраться ногой и мощно запустил его в воздух.

– А-а! – радостно проорал тот, завершив дугу могучим всплеском.

Теперь вместо вопросов на меня посыпались предложения о сотрудничестве и взаимопомощи.

Вода в реке как была, так и осталась ледяной, но мальчишек это не смущало. Видимо, привычные или нечасто к воде отпускаемые. Приходилось терпеть и мне, хотя ног уже не чувствовал.

Удивило, что плавать умели все. И все – плохо. Периодически кого-то сносило течением, он вопил, я спешил на выручку, подхватывал и вытаскивал на отмель. И во все уши слушал:

– Повезло, что дождь прошел, пока высохнет – свободны. А оно когда еще высохнет!

– Не волнуйся, скоро.

– А по мне, так пусть там все сгниет. Вот если б каждому по телеге...

– Говорят, на эти деньги новый оклад купят, золотой.

– А оно мне надо?

– А тебя спросят?

«Деньги», «купят», «золотой», вот это информация! Новый мир преподносил сюрпризы.

Пока один малец с визгом сигал с моих рук, для чего я немного присел, второй успел взобраться на плечи. Теперь он балансировал, держась за голову. Только бы мне все волосы не повыдергивали такими темпами.

– Аааахх! – Вот и второй унесся следом во взбрызнувшую пучину, окатив остальных мощнее, чем смог бы самый могучий ливень.

Разговорчики не прерывались:

– Скоро суeta в Еконограде. Много иномцев будет. Говорят, даже немцы приедут.

– Жаль, не увидим.

– Еще говорят, конязь раньше обычного девок собирать будет.

– Не-е, это не раньше лета.

– Говорят, теперь бой-бабу хочет.

– Это как?

– Чтoб и на коне, и мечом, и при том – баба.

– Как за речкой, что ль?

– Ну. Насмотрелся с берега, как там над здравым смыслом издеваются.

– А наши-то губы раскатали, дуры набитые.

С моих подставленных рук еще один сорванец с улюлюканьем и переворотом в воздухе улетел в свое детское счастье. А следующий, обернувшись, разразился вопросом:

– Вась, ты – гляделец?

– Кхм. А что, похож?

– На орехах тебя не видели.

Быстро: кем может являться гляделец? Метеорологом? Надсмотрщиком? Часовым? Пограничником?

– Не-е, я там, дальше. – Моя рука неопределенно махнула куда-то назад. Глаза отметили, что старших поблизости нет, и я тихо спросил: – Глядельцы за реку отвечают, чтоб чужие не высадились?

– Да нет же, когда гости прибывают, они присматривают, чтоб не убежали, не заплатив.

– А если враги?

– Ушкурники, что ль? – По ступеньке рук взбираясь мне на плечи, мальчонка по-взрослому высокомерно скривил рот. – Если нарушат договор, с ними конязь разберется.

– Лучше бы со спасизадами разобрался, – хмыкнул другой сбоку. – Отец говорит, скоро на улицу страшно выйти будет.

Возясь с мелкими, я не заметил, что старшие куда-то делись, и обернулся, только услышав крики.

Шесть мальчишек во всю мочь мчались прямо на залегшую царевну. Значит, не выдержала, высунулась. На приближавшийся топот она среагировала правильно – ринулась прочь.

– А-аа!!!

– А ну стоять! – взвопил я, выметываясь из воды утопленным теннисным шариком

– Вась, они сами справятся! – пыталась повиснуть на мне малышня, ослепленная дружбой со старшим и теперь возмущенная уходом.

Глава 2

Как я, оказывается, далеко ушел от оставленной Марианны. Расстояние между ней и преследователями измерялось десятками метров, а между ними и со всех ног бегущим мной – сотнями.

Не знаю, как юной царевне следовалось за моим не являвшим образец красоты загорелым тылом, а за ее улепетывавшей кормой пацанва летела, как ухватившие цель самонаводящиеся ракеты на сопло самолета. В беге никогда девчонке не сравниться с мальчишками, будь она хоть сто раз царевна и тысячу раз принцесса, так природа позаботилась о выживании вида: мужчина обязан догнать женщину. Подставив подножку, девчонку гурьбой повалили, один помчался к ближайшему дереву.

Когда я подбегал, три мальчишки уже стегали хворостинами визжавшую Марианну, пока другие трое ее удерживали.

– Так ее! Чтоб до свадьбы сесть не смогла!

– И по сусалам, вон какие щеки отъела. Гляди, вся гладенькая, беленькая, нежненькая, словно за всю жизнь ни разу не работала.

– Тем более заслужила! Врежь хорошенько!

– Ух, какие мы недотроги!

– Артем, влепи сюда, пока держу!

– Сейчас всем влеплю! – заорал я. – А ну отпустили! Слыхали, что сказал?!

Хворостины нехотя опустились, но крепко державшие руки не разжимались.

– Она подглядывала!

Покачиваясь на подламываемых ногах, исполосованная царевна с жуткой мольбой глядела на меня. Теперь боялась рот раскрыть. Правильно. Старших слушаться надо.

– Это моя... сестра! – объявил я. – Убрали руки!

Теперь приказ сработал. Мальчишки отшатнулись от девушки, как от прокаженной, она упала на траву и быстро прикрылась.

Не слишком чувствуя себя виноватым, Артем развел руками:

– Кто ж знал...

– А чего она приперлась? Девки там дальше купаются, а мы ей не родичи, чтоб тут за нее отвечать, – подхватили другие. – Ведь правда подглядывала, мы видели. Значит, заслужила.

– Пойдем, Марьяна. – Приобняв царевну за талию, я помог ей подняться. Имя употребил в обиходном варианте, чтоб меньше недоразумений.

Оставив мальчишек в задумчивой растерянности, мы двинулись дальше вглубь леса.

– Почему не вдоль реки? – прихрамывая, осведомилась Марианна, начавшая, наконец, соображать.

– Без одежды на виду у всех? Пацаны еще не разобрались, но мозги у них тоже имеются. Нужно уйти как можно дальше. Жаль, дубина там осталась, хорошее было оружие, легкое и не приметное. Теперь пока найдешь что-то похожее...

– Кстати... спасибо.

Я отмахнулся:

– Проехали. В следующий раз умнее будешь.

– Урок хороший, – признала царевна, пытаясь оглянуться на свой исчерченный полосами зад. – Незабываемый. Очень страшно?

Она спрашивала мое мнение о внешнем виде этого своего участка тела. Ну что за народ девчонки. Предплечья, плечи и голени все в синяках от жесткой хватки многих рук и последующей борьбы, спина кровоточит, щека саднит, бедра в ярких рубцах... а она – о мягком месте.

– Вполне симпатично. Я и раньше ничего не имел против, а теперь... Ведь за одного битого двух небитых дают, слыхала?

– А за дважды битого?

Я хмыкнул:

– Первый раз не считается. Сделанное во благо побоями не является.

– Чем же является?

– Воспитанием.

Совершив большой круг через лес, мы больше никого не встретили. После некоторого перехода я дождался очередного «Чапа, погуляй в сторонке, пожалуйста» и заявил:

– Больше никаких сторонок. Вот хорошее место, скрыто отовсюду.

Низинка, кустик, развесистое дерево. Что еще нужно для счастья?

Марианну заклинило и даже чуточку перекосило от напряжения.

– Если думаешь...

– Не думаю. Знаю. Садись здесь.

Решимость подтвердили действия. Я развернулся спиной к остолбеневшей царевне и, показывая пример, пустил струйку в основание деревца.

Черти бы взяли дрянную девчонку. Как всегда бросавшаяся из крайность в крайность, она внимательно отследила процесс вплоть до завершающего встряхивания. Я уперся в нее бычьим взором, хотелось наорать, съязвить, уколоть или ругнуться. Успокоить себя удалось с огромным трудом.

– Ничего позорного нет, правда? – Мой голос была сама безмятежность. Как морская гладь над подводным землетрясением.

– Правда. Позорного нет.

Ее взгляд потупился, розовые ушки, выглядывавшие сквозь волосы, еще больше порозовели. Я даже залюбовался, несмотря на дикость ситуации: бурлящее эмоциями лицо, крепкие тонкие плечи, узкая талия с волнительной дырочкой пупочка, скрывающая грудь путаная русая завеса... Это пока царевна не откинула челку. Но не откидывала. Она пряталась в ней от себя и от меня.

Повезло мне с попутчицей... в смысле внешности. Если б только не заморочки с выяснением отношений.

– Теперь не стесняешься?

После произошедшего ответ подразумевался единственный, даже если это не так. Наше положение обязывало ее ответить положительно, другого теперь просто быть не могло, но я недостаточно знал Марианну.

– Стесняюсь.

Вот теперь я готов был взорваться. В глубине внутренних вод проснулся вулкан, и море закипело.

– Дай руку, – тихо слетело с девичьих губ.

– Зачем?

– Просто дай. – Она совсем покраснела. – Жалко, что ли?

Не жалко. Ухватив и крепко сжав, Марианна присела. Челка могучим махом унеслась в сторону, на меня устремилось напыжившееся лицо – глаза в глаза. Страх, стыд, гнев, ужас, все перемешалось и менялось по сто раз в секунду. За мою ладонь царевна держалась, как утопающий за спасательный круг. Мышцы напряглись, скулы резко очертились.

Поскольку она смотрела, я тоже не отводил взгляд.

«Пук!» – раздалось внизу. Потемневшие глаза орали: «Только засмейся!»

Я глядел спокойно. Все нормально. У организма собственное мнение, и он его высказывает. В стае мы с Томой высказывались и не так. И по пути в цивилизацию тоже особо не парились.

Тоненько зажурчало. Пальцы, впившиеся в мою руку, ослабили хватку и отпустили, только когда Марианна поднялась.

– Идем? – Теперь я перехватил царевнину ладонь.

– Идем!

Она будто заново родилась. Откуда-то взялись силы, иногда царевна даже обгоняла меня на марше. Что ни говори, а совместное решение проблем, которые в одиночку кажутся нерешаемыми, сближает крепче печати в паспорте. Чаще всего к последнему и приводит – если один из решальщиков ранее не сблизился с кем-то другим. Как раз мой случай. Марианну положение дел угнетало как раба господский ошейник, это выражалось вздохами, походкой, взглядами, перепадами настроения. К счастью, гордость тоже имелаась и постепенно задавила капризное возмущение мировой несправедливостью.

Немалое время прошло, пока снова вышли к воде. И опять – шум, плеск, визги...

– Это уже по твоей части, – определил я голоса как женские. – Пойдешь знакомиться с местным населением?

– Надо?

– Лучше не надо. Живее будем.

– И ты розг избежишь, – с лукавым коварством хмыкнула царевна. – А то соберешься подглядывать... ради моей безопасности, конечно же.

Мы обошли женскую купальню по широкой дуге. Чаща внезапно поредела, линия деревьев впереди вообще закончилась. Дальше за широким серо-желтым пустырем уходили вдаль ровные ряды садов. Между деревьев кучковались кособокие ящики, из которых кто-то высыпал собранный урожай прямо на землю – догадываюсь даже, кто именно. Нежданный дождь порушил планы садоводов, поэтому мелкую рабочую силу отпустили до полной просушки плодов перед новой укладкой и последующей отправкой. Где-то неподалеку ржали кони. Наверняка, это телеги, посланные за товаром. Теперь и лошадки отдыхают.

– Что за фрукты? – вспыхнул плотоядный интерес царевны.

– Не знаю, отсюда не видно.

Голод не тетка. У меня тоже дернулся кадык. Я присел на одно колено и судорожно всматривался. Марианна грохнулась на оба колена и склонилась вперед, пользуясь передышкой одновременно для отдыха, для осторожного потирания плодов своего любопытства и для разглядывания плодов своего желания.

– Слышала, что говорили про какие-то орехи, но орехи – маленькие. Какие же это орехи?

– Допустим, чернобыльские, – сдуру пошутилось мне.

Любопытные реснички вскинулись:

– Как-как?

Я укусил себя за язык.

– Раз апокалипсис был, могли произойти и такие события, после которых...

– Апокалипс, – поправила Марианна. – Говори правильно, ты не крепостной.

– Ладно, пусть апокалипс. Кто знает, что там творилось по-настоящему?

– Сестры знают.

Интересненько.

– А как бы мне узнать у них поподробнее?

– Тебе не расскажут. Допуска нет.

– Что сделать, чтоб был?

– Для начала, – она хмыкнула, – родиться девочкой.

– Допустим, родюсь. Что дальше?

– А ты не сдаешься. – Меня наградили поощрительным кивком. – Дальше – уйти в сестричество. Посвятить жизнь служению. Достичь высокого положения. И тогда тебе откроются все двери сестры.

– Значит, ответы – в сестыре?

Плечики царевны взлетели и опустились:

– Наверное. Где же еще?

Ее руки снова принялись чесаться и хвататься за больное.

– Потерпи, скоро промоем и полегчает. А пока... – Я сорвал с земли несколько овальных зеленых листиков. – Приложи, где кровоточит.

Оказывается, царевна знала о подорожнике, просто забыла. Она с радостью ухватила и принялась изворачиваться... перекособочиваться... извиваться... и, наконец, взмолилась:

– Не поможешь?

– Конечно, помогу. Просто ждал, когда попросишь.

– А сам предложить?!

– Нет уж. Предполагаемое действие связано с касаниями, если не сказать троганием, весьма деликатных мест. И их прямым рассматриванием... если не сказать разглядыванием. Это не в реке спасать.

– А там, значит, ты трогал и разглядывал?!

– Прекрати. – Взяв первый лист подорожника, я задумался, куда его присобачить в первую очередь. – Это не смешно. В следующий раз могу и не спасти.

– Прости. Если тебе станет неудобно, представь что ты – врачеватель.

– И представлять не надо, я сейчас он и есть. Иначе ни за что не взялся бы за этот геморрой.

Последнее слово не вызвало вопросов даже в конкретном контексте. Просто не до того. Или?..

– Спасибо. Как лучше встать, чтоб тебе было удобно?

– Молча.

Марианна ядовито покосилась на меня:

– А серьезно?

– Серьезнее не бывает.

Подумав, она опустилась на колени и ладони, выдав мне максимум поверхности для лечения. Я покачал головой:

– Ходить тоже так собираешься?

Вскинутый взор испепелил меня, требуя объяснений.

– Все сразу отлетит при вставании. Поднимись. – Я подвинулся и даже временно отвернулся для обеспечения застенчивой спутнице свободы маневра.

– И долго мне тут торчать столбом? – через секунду мило и чисто по-дружески позвала она. Предпочитаю считать так, иначе удушил бы на месте.

Я обошел вертикально вытянувшуюся царевну по кругу. Ее щеки пылали, взгляд старательно не встречался с моим. Опушенные по швам руки судорожно шевелили пальцами. Странное существо. Ни одной логически продолженной мысли или поступка, все время только крайности. Вот я: выбрал линию поведения и придерживаюсь в меру возможности. Часто даже невозможности – по прихоти нашей мисс Непредсказуемость. И если б не ее взбрыки, все было бы легко и спокойно. Как в могиле.

Гм. Тогда, может, не так уж плохо, что иногда она вредничает и колобродит?

Итог осмотра оказался однозначно неудовлетворительным: грязь, пыль, песок смешанные с кровью. Прежде, чем лечить, раны промывают. Я осведомился:

– Знаешь о полезных свойствах слюны?

– Конечно. Если обжечься и поплевать на ожог...

– Это тоже, но главное, что слюна хорошо... – как по местному «дезинфицирует»? – заживляет раны. Так волки делают, спасаясь от заразы. И чelоволки. И почти не болеют. Так что стой и не дергайся.

Мои губы и язык принялись за работу с максимальной быстротой, все же надеясь, что вскоре найдем воду и сделаем все по-человечески. Марианна млела. Она напряглась, лишь когда я, присев, приблизился к самому ценному. Впрочем, не она одна напряглась, пришлось спешно менять диспозицию, во избежание. Теперь я врачевал то в одном месте, то в прямо противоположном, лизал и сплевывал, вторым бесконечно портя первое.

– Щекотно! – хохотнула уворачивавшаяся царевна.

– А ты не дергайся.

Пришлось придерживать то за плечи, то за талию, то за бедра, в зависимости от.

Наконец, основные раны были обработаны и заклеены подорожником. Бледно розовый леопард в зеленых пятнах сделал шаг вперед, голодная мордочка указала на сваленные плоды в садах:

– Как туда незаметно пробраться?

– Уверена, что те фрукты нам по зубам?

– Зачем же их выращивают, если не для еды?

Я скривил рот:

– Скажем, выкладывать дороги. Или скормливать лошадям, чтоб лоснились и повышали мясо-молочные показатели. Или настойку из них продавать как средство от облысения и повышения потенции. Или...

– Повышения чего?

– А почему не спрашиваешь, что такое «продавать»? Неужели, знаешь?

– Не знаю. Что такое «продавать»?

– Менять на деньги, на которые потом можно поменять все, что угодно.

– Глупость. Если мне что-то нужно, я поменяю на то, что у меня есть, без всяких денег. –

Взор паревны указал на соответствующее мне, по ее мнению, место в умственной цепочке эволюции – куда-то вниз, а то и вглубь.

Я гнул свое:

– Коня на миску каши?

– Нет, конечно. Но...

– Пирожок на меч?

– Прекрати. Никто никогда не поменяет пирожок на меч. Это невозможно.

– А с деньгами возможно. Если печешь пирожки, продай много – купи меч. Если хочешь пирожок – продай меч, купи пирожок и меч попроще. Возможности вырастают непредставимо.

Царевна глобально задумалась:

– В этом что-то есть.

Я был рад, что первый вопрос успешно похоронил обсуждением второго.

– И все-таки...

– Тсс! – Взлетев, моя рука схватила царевнин затылок и пригнула до земли. – Там!

Глава 3

Тщательно следя, куда ступаем, мы медленно переместились обратно в тень самых густых деревьев. Из указанного направления в нашу сторону шли две местных девушки, примерные ровесницы Марианны – светленькие, простоволосые, в похожих на мальчишеские рубахах до колен, но с присущими прекрасному полу особенностями: некрашеную холстину украшали нашитые кружева и вышивка. Босые ножки старательно избегали острых коряг. Лилась мирная беседа:

– Завтра в Тихаревку свезут неустойщиков. Дали бы и нам посмотреть на казнь. Дело-то государственное, как раз для таких как мы, а то весь воспитательный эффект насмарку.

– Их не для твоего воспитания, а за неуплату святой десятины.

– Все равно я бы с удовольствием посмотрела.

– И я бы посмотрела, но кто даст?

Жалости к будущим трупам у девочек было ноль. На этой стороне реки к смерти относились ничуть не трепетнее, чем на другом.

Обе на мой взгляд толстоваты. Отвык я уже от природной пухлости, сказывалось долгое пребывание в условиях, где она не выживает. Пухленькие щечки и пышненькие бедра выглядели приветом из другого мира. На одну подружку физика расширяющихся тел действовала одинаково во все стороны, грозя со временем превратить в мягкую сферу со скрипуче-жестким голосом. Вторая счастливо отделалась свойственными полу вспучиваниями местного значения. Разговор легко перелетал с одной темы на другую:

– Конязь теперь ищет не просто наложницу, а боевую подругу. Если незамужняя от пятнадцати и старше чиста телом, быстра умом, без разной обузы и еще девица, любая может показать себя.

Говорившая с намеком подмигнула более полной подружке. Та отмахнулась:

– Мы ни статью, ни рожей, ни летами не вышли. Не про нас сказки.

– Конязь мудрый, он не на рожу смотрит, а вглубь.

– До вглубь не дойдет, если рожа хромает. Он же мужик, хоть и конязь.

– Он мудрый мужик.

– А ты откуда знаешь? Сам тебе во сне рассказал?

В ответ – пожимание плеч:

– Так говорят. А народ не обманешь.

О, счастливые времена, не знающие политтехнологий и проплаченных средств массовой информации... которые другими, собственно, не бывают. Наивные люди, наивные нравы. Не выдвинуть ли свою кандидатуру в местные правители? Создать партию, наобещать всего-всего, черным пиаром опорочить конкурентов, напридумать себе или присвоить чужих заслуг... Глядишь, через годик уже я буду девок собирать в наложницы. В горле застрял смешок, по лицу разлилась паточка улыбки. Недоуменно оглянувшаяся Марианна толкнула в бок и приложила палец к губам.

Выбрав место погуще и потенистее, мы сползли в ямку, сверху прикрыла придерживаемая нагнутая ветка. Прекрасно видимые сквозь листья и верхушки высокой травы девчата, не видящие нас, спокойно продолжали:

– Если б женились не с пятнадцати, а как в старину с физического взросления, я бы рискнула.

– Соври, что тебе уже. Бывало, что проходило.

– А то не думала. Но кто отпустит, кто отведет?

– Сбеги. – У толстенькой на этот счет все было просто. – Нужно только желание. Настоящее желание.

– А ты, значит, не желаешь?

– А то от наших желаний что-то зависит. Я слышала, сказали привозить всех, не только желающих.

Полупышка рассудительно заявила:

– Стерпится – слюбится.

– С конязем-то, поди, у каждой слюбится. За такое любое стерпится.

– Не скажи.

– Я бы стерпела.

– А я не такая.

– Сама дура.

Мы с царевной, прикинувшись кустиками, притаились в тени укрытия. Марианне, облепленной подорожником, это удавалось легче, а я старался спрятаться за или под нее. Впрочем, девчонок не интересовало ничего, кроме собственного разговора. Даже надувшись друг на дружку, они не смогли долго молчать.

– Правильно мы с Огняной на реку не пошли, холодрыга непередаваемая. А они наслаждаются. Не понимаю.

– Ой!

Я вздрогнул, царевна прижалась ко мне и пошла мурашками, но это «ой» относилось не к нам. Одна девица схватилась за плечо второй, ее серая ступня поднялась к лицу и, поддерживаемая ладонью, предстала сосредоточившимся глазам.

Вторая досадливо топталась на месте, служа могучей опорой для ковырявшей пальцами менее округлой подружки. Просто посмотри одна из них в нашу ямку, и – амба, но пока чудеса продолжались.

– Как думаешь, скоро нас по домам? – скучая, осведомилась ничем не занятая.

– Пока не закончим. – Балансировавшая на одной ноге симпатяшка мотнула локонами, указав на уходившие в бесконечность сады.

Пышной подруге это еще больше понизило градус настроения.

Заноза была найдена, злобно уничтожена и торжественно развеяна. С облегчением наступив на обе ступни, девчонка радостно попрыгала. Обе зашагали прочь, вызвав у нас синхронный вздох облегчения.

Как всегда, рано обрадовались.

– Подожди, я сейчас.

А ведь они почти ушли. Бывшая занозовладелица развернулась, ее стопы с подобия тропы перенаправились прямо в наши дебри. Спираль разговора начала новый круг:

– Надоело по ночам от мальчишек защищаться. Этот Артем такая сволочь...

– Не надо, никакая не сволочь. – Оставшаяся в одиночестве пышка принялась лениво водить ступней по траве.

– А вот и сволочь! Еще какая! – В трех метрах от наших распластанных тел девица вновь повернулась лицом к подруге, присела на корточки, задранный балахон взлетел на талию.

Как, подойдя практически вплотную, можно нас не заметить?! А вот ведь. Чтоб видеть, нужно смотреть, а девчоночий организм занимало другое. Она увидела бы только нечто внезапное, как собака, реагирующая исключительно на движение.

Вторая после некоторого размышления и совета с собственным организмом тоже направилась к нам. Не именно к нам, а к лиственной завесе, скрывавшей от вида со стороны. Для нас это не имело значения, до оглушающих воплей, визга и привлечения внимания всего побережья осталось шесть шагов...

Пять...

Четыре...

Шагающее олицетворение неизбежности достигло точки бифуркации, после которой события развиваются лавинообразно, и остановилось прямо на границе тишины и паники. Олицетворение развернулось на месте и примостилось в каком-то полуметре от замершей в естественном процессе первой госпожи Невнимательность. Руки второй так же приподняли подол, обшитая рюшечками рубаша собралась складками на талии, которая тоже собралась складками – мощными, мясистыми, молочноматовыми. Если судьба умеет хохотать, то сейчас она делала это, дважды обернувшись к нам задом. Большим и... очень большим. Как говорится, в тапера не стрелять, играет как может. То есть, говорю как вижу. Раньше в голову не могло прийти, что в подобном ракурсе человеческий реверс может стать вдвое шире по сравнению с состоянием стояния. Пухлые выпуклости, прежде казавшиеся округло-овальными и напоминающими взбитые подушки, обрели твердость и сошлись указывающими вниз углами прилежащих треугольников. Точнее, треугольник получился один – тупым углом вниз, поделенный пополам и чуть скругленный. Треугольник! Всю жизнь думал, что низ у присевшего человека – два полукруга, эллипса или овала, но никак не треугольник. Фиговый из меня вышел бы художник.

Я наблюдал с волнением естествоиспытателя, дорвавшегося до величайших тайн природы. Центральные ложбинки, в которых совсем недавно можно было спрятать пару ладоней, и никто бы не заметил, превратились в плоские вертикальные линии. Белое полотно на диптихе менее широкого холста в двух разнесенных в стороны местах имело странные темные разводы. Синяки? Девчонку били? Тогда – ремнем с эллипсовидной бляхой. А эмблемой на бляхе явно был круг. Интересно, что это за знак, и что означает. Чей-то герб или знак Солнца. Или Луны. Мало ли. Вот если б двуглавый орел, якорь или звезда, я бы задумался.

Ладошка Марианны выползла из травы и недвусмысленно накрыла мне глаза. Я укусил за мизинец, движение шеи скинуло препятствие, зубы гневно поскрежетали. Между нами происся скоротечный бой взглядов, вылившийся в немой спор:

«В лицо опасности нужно смотреть открытыми глазами!» – утверждал я, объясняя, что не пялюсь, как ей почему-то кажется, а тщательно отслеживаю ситуацию.

«Так то в лицо!» – укоряло меня осторожное покачивание головы напарницы.

«Уверяю, в большинстве случаев опасность выглядит именно так», – настаивал я.

«Прямо вот так?» – прилетела указующая усмешка.

«Либо кончается этим», – не сдавался я.

– Артем не сволочь, а простой шкодник, – поддержала угасший разговор обладательница большей достопримечательности.

– Шкодник?! А тебе синюшным соком глаза на попе рисовали?! – возмутилась пыхтевшая вторая.

Я стремительно зажал рукой рот. Вот тебе и гербы.

– И как только пробираются в наши шалаши.

– Ну что ты взъелась. Просто повеселиться хотят.

– Когда утром морда в саже – по-твоему, это смешно?! – Меньший треугольник, похожий на место выгрузки у вагона для сыпучих грузов, начал обретать былые формы воздушного шара. Девушка поднялась и оправилась, из-под балахончика снова торчали лишь плотные загорелые икры.

– Смотря как разрисуют. Иногда с такой фантазией, так забавно получается, даже здорово, – поддела ее пышка, тоже поднявшаяся и из горизонтального овала восстановившая объем в вертикальном.

– Просто тебя, Кистена, меньше трогают. А мне всегда достается.

Пончик по имени Кистена вздохнул и завистливо покосился на весело зашагавшую вдаль подружку.

– По-моему, они ко всем одинаково, – попробовала она бодаться с судьбой. – Помнишь, кто-то одежду у нас утащил и по верхушкам деревьев развесил? Не у одной же тебя.

– Нас бы селить подальше от мальчишек или охрану выделить. Вот бы до коня дошло, как мы на отработке ночами мучаемся.

Удалявшийся разговор снова перекинулся на правителя:

– По-моему, блажь о боевой подруге – это все от потусторонних идет.

– Проклятое Каиново племя. Надо запретить даже смотреть в их сторону! Мамка говорила, мужики специально на берег ходят, на тех баб глядеть. Стыдоба и срамота.

Глядя только друг на друга и иногда под ноги, подружки скрылись из глаз и для ушей.

На меня хлынул ливень царевниного укора, граничившего с презрением:

– Так нельзя! Они же женщины! Тебе не стыдно?

– Подслушивать?

– Нагло рассматривать!

Что за невезуха. И когда мужики рулят, и когда женщины, никогда нельзя. Почему именно мы, мужской пол, всегда в пролете?

– А почему тебе можно? – искренне возмутился я.

Решение сыграть обиду или устроить сцену проиграло главному женскому качеству: любопытству.

– Ладно, забудем. – На меня вспорхнул вопрошающий взор. – Я не поняла, про что они говорили?

– Мальчишки ночами в женскую общагу лазят, безобразничают.

– Нет, о том, что девиц приглашают.

Вот что ее зацепило. Ну, дык, тоже девица, однако. Самая настоящая боевая подруга, аутентичная потусторонняя.

– Местный царек проводит кастинг. Кстати, не хочешь попробовать? Идеальный претендент. Красива, умна, физически развита, в боевых искусствах подкована. Ни дать, ни взять – боевая подруга, причем обаятельная и привлекательная.

Спутница конфузливо сияла. Расплывшиеся в улыбке губки не удержали внутри неудобный вопрос:

– А наложница – это кто?

– Ну... – Я почесал затылок. – Как бы жена. Только не навсегда. Пока есть чувства.

– Странные отношения. Любопытные. Есть своя логика. А страннее всего, что мужчина выбирает женщину, тебе не кажется?

– Так и должно быть, если уж мы оказались в мужском мире.

Кожа на девичьем лбу взлетела, потянув за собой брови, веки, ресницы... На меня уставились круглые непонимающие глаза:

– Это невозможно, потому что просто не может быть!

– Привыкай. Заметила: ты много слышала про коня, но ни разу про коняжку или какую-нибудь коняжню.

Коняжь – однозначно мужик и по титулу самый главный, ни о ком главнее пока не слышали. И выбирает – он. Так что пусть с каким-то прибабахом, но этот мир явно не столь матриархален, как заречный.

– А смотреть местные ходят... на нас?

– Ага, – подтвердил я с ухмылкой. – Вы для них типа развлечения. Бесплатное зрелище из цикла «Бывает же» и «Ну, совсем распустились! Надо проверить, насколько».

– А мы видим только корыта на воде и иногда огоньки костров. Погранцарьберы стараются никого не допускать до Большой воды, но их патрули нечасты, и иногда удается...

– Вот тогда вами и любуются, – завершил я. – Пойдем, боевая подруга.

Обращение спутнице понравилось. Она вспыхнула, озарилась животворящим внутренним светом, полившимся из всех отверстий и даже через радостно разгладившуюся заблестевшую кожу. И походка стала упругой, легкой, танцующей. Волосы как будто высохли в один миг и уложились в прическу. Где-то что-то чувственно выпятилось, где-то, наоборот, стыдливо подобралось.

Я привычно все испортил:

– Как мальчишки еще сказали, бой-баба?

Это называется – с небес на землю.

– Нет-нет. – Я постарался все исправить, увидев начавшееся обратное преобразование. – Это не про тебя. Ты – бой-бабочка.

Глава 4

Сказанного не вернешь. Рядом со мной снова шла прежняя Марианна – усталая, отстраненно-равнодушная, сомневающаяся. Достигнув упавшего дерева, она повалилась на него вдоль всем телом, руки свесились с разных сторон, левая щека раздавилась о жесткую морщинистую кору:

– Давай отдохнем.

Подорожник с передней части, распластавшейся по бревну, моментально осыпался.

– Все мое врачевание насмарку.

– Прости, не подумала.

– Больше драгоценную слюну так бесполезно расходовать не буду. И не проси.

– Я же повинилась!

С ее точки зрения, этого достаточно. Так рассуждают дети и женщины. Поскольку я понимаю это, значит, вышел из первой категории и, спасибо судьбе и родителям, не принадлежу ко второй. Мое седалище опустилось на траву рядом со струящимся вдоль бревна телом царевны, ноги вытянулись, голова откинулась на мягкое вздрогнувшее бедро. Затылок оказался как на подушке, а волосы почувствовали нежную руку, которая их пригладила.

– Чапа, у меня постоянное ощущение, будто знаю тебя с рождения. Ощущение давнее и стойкое. Почему так?

В груди похолодело. Близок провал резидента?

– Не знаю.

А что еще сказать?

– Несмотря на эту знакомость, ты поражаешь все сильнее. – Ладонка соскользнула на плечи, томные мурашки побежали от пальчиков, которые принялись играть с кожей. – Открываешься с новых, каждый раз лучших сторон. Это немыслимо. А ты не перестаешь удивлять. И что самое непредставимое – не притворяешься. Я видела тебя с самого начала твоего боя за нас, глупых девчонок, не сумевших самостоятельно сделать того же, а первое впечатление от человека самое правильное: он же еще не знает, что именно от тебя скрывать.

– А я тебя помню только с темноты на дне ямы, – честно признался я. – К тому времени ты уже знала, что скрыть о себе?

– К тому времени я восхищалась тобой, впервые увиденным мужчиной-командиром. Если местный... как его?... конязь хочет боевую подругу, то я с тех пор мечтаю о боевом друге. О настоящем, не второстепенном, как все царевичи, безмолвные хвосты своих царисс. Нетрудно начать мечтать, когда образец перед глазами. Мечтать и... надеяться. Верить. Страдать, терять надежду, ломать себя, уговаривать... и однажды узнать, что все достижимо. Что ты мог бы любить меня так же, как сейчас любишь другую. Которая, возможно, уже не существует на свете... но продолжает жить в твоём сердце. Этим я тоже восхищаюсь, потому что это невероятно. Ничего не могу с собой поделать. За один настоящий поцелуй – не такой, как на дереве, замещаая воображаемую дублершу, а по-настоящему настоящий – я бы отдала...

Меня подняло как вихрем, через царевну переброшилась моя нога, и я упал сверху. Забравшиеся снизу ладони сжали нежное тельце. Ко мне вывернулось одуревшее в испуге-восторге лицо, оно в режиме прямого эфира наливалось переборотым стыдом и противоречивой отвагой. Плечи напряглись. Волосы разметались, грудь вспенилась. Бездонные искренние глаза, полосуюя мне щеку ресницами, трезво-мечтательно спрашивали: что это, почему и что дальше? Что-то собрался сказать приоткрывшийся ротик, но не успел. Я заткнул его поцелуем.

Губы слились. Мир перевернулся. Царевна растеклась сладким желе по шершавому бревну. Не понимая, что случилось, не зная границ дозволенности, все в ней стремилось достичь поставленного лимита, увидеть полосатые столбы запрета и припасть к ним всем серд-

цем, всей душой, всем своим взлетевше-упавшим существом. А я не мог ничего объяснить. Просто не мог. По телам уже бежал огонек, как по бикфордову шнуру, который не остановить. Мозг накрыли раскаленные ощущения прелюдии перед взрывом.

– Ой, гляди, Кистена: любушки! – раздалось прямо над головами.

Ну, почти над головами. Сразу у ближайшего дерева.

– Ма-а-ать моя отцова жена! Совсем стыд потеряли. Прямо рядом с полем...

– Простите... – Я потупился, отлипая и соскальзывая за бревно.

Царевна осталась там же, где была – в шоке.

– Да понимаем, чего уж. – Гости пожирали нас глазами.

Те же болтливые подружки направлялись обратно. Решив срезать через лес, они вышли прямо на нас и теперь глазели в четыре выкатившихся шара, наслаждаясь своей как бы властью над нашим как бы позором. Глаза не упускали ни детали происходящего, но все соответствовало легенде: я, красный как рак, пугливо прикрывал восставший организм, соучастница потрясенно деревенела и старалась слиться с бревном в единое целое. Не унимавшиеся дыхания, прячущиеся взоры и взошедшие предательскими солнцами красные пятна на коже не оставляли сомнений в искренности увиденного.

– Елка, чего вылупилась? Пойдем, не для того они в лес ушли, чтоб всякие такие как мы...

– Да-да, мы уходим. – Оказавшаяся Елкой, уводимая под руку, уже удалялась, но невероятно вывернутое лицо все еще глядело на нас. – В следующий раз прячьтесь получше. Хорошо, что увидели мы, а могли не мы. Хоть бы к заводу ушли, там никто не ходит.

– Пойдем же, – тащила ее толстенькая подруга.

– Мы никому не скажем! – выкрикнула на прощание Елка.

Шаги стихли. Вообще все звуки удалились из мира и сознания. Осталась набатная тишина. Только шум ветра в мозгах. И красные круги перед глазами.

Прикусив язык чуть не до крови и раздирающе болезненно ущипнув себя где только можно, я трижды прогнал глаза по орбитам в одну и в другую стороны, затем шумно выдохнул. Получилось. Отхлынуло.

Несколько мгновений приходя в себя и успокаиваясь, мы оба приводили в порядок взведенные нервы и переволновавшиеся организмы.

– Как иначе оправдать отсутствие одежды? А так – никаких вопросов. Идеальное алиби в нашей ситуации. – Я поднялся с приютившей травы и подал царевне руку.

– Ты все сделал правильно, – отрешенно глядя в себя, вымолвила Марианна.

Ноги переставлялись сами, без участия голов, это было видно по расшатанной разнонаправленности шагов и расфокусировке зрения. И полном разброде сознания.

Ядерно яростное солнце сквозь листву било лучами по лицам, вспыхивало в глазах, ослепляло и заставляло прятать лица – то есть хоть что-то делать разумно. Мы не прошли трех сотен метров, как открылась речка, где-то слева втекавшая в Большую реку. Метров пяти шириной, она крутилась по холмистой местности, как червяк на крючке, а прямо под нами имела в низине огромный мелкий закуток. Вся прибрежная зона и большая часть водной глади поросла травой, в которой могло спрятаться несколько компаний рыбаков или рота пограничников.

– Думаю, это та самая заводь, куда никто не ходит, как напутствовала Елка.

Промолчав, Марианна прошла со мной до воды, точнее, до зарослей, сквозь которые следовало пробиваться к чистой воде.

– Там дальше течение. – Я остановил ее у края. – Снесет в Большую воду. Давай пройдем выше, найдем место поспокойнее, где можно пересечь с запасом расстояния на снос. В Большую воду мне пока не хочется.

На меня глянули большие серьезные глаза:

– Научи меня ходить по воде.

Мысли застопорились, руки замахали:

– Я, возможно, свят, но не настолько.

Шутку не поняли.

– Ты же ходил.

– Когда?!

– По реке. Лежа.

Вон оно чего.

– У нас в долине... – А ведь в долине я не видел ни одного пловца. Иначе запираемый на замок мост превратился бы в фикцию. – Однажды я упал в большое озеро... и выплыл. Может, и тебя бросить куда-нибудь?

– Не бросай меня! – полушутливо взмолилась царица. – Никуда. И никогда.

Концовка явно из другой оперы.

– Это самый действенный способ, – настаивал я. – Если угрожает смертельная опасность, организм мобилизует резервы...

– В Большой воде мне угрожала опасность, но организм ничего не мобилизовал. Кроме паники. А я хочу научиться выживать сама. Ты же не всегда будешь рядом?

Весьма тонкий вопрос-утверждение. Их числа женских шуток, когда имеется в виду совсем не то, что говорится. Например, «Пошел на фиг, и чтоб я тебя больше не видела» на самом деле означает «Ну подойди, обними и поцелуй!», «Ты согласен?» – это «Ты обязан согласиться!», «Где шатался, тварь?!» на самом деле «Я так соскучилась...», «Меня это полнит?» требует ответа на «Очень видно, что оно меня полнит?», «Я толстая?» это «Ты меня любишь?», а «Решай сам» вообще: «Все равно сделаю виноватым тебя»...

Что ж, мой ответ известен, я всегда говорил, что люблю другую. Могу ли при этом всегда быть рядом с Марианной? Вопрос риторический, ответа не требует. На что она и намекала. Поэтому я просто двинулся на глубину. Марианна пристроилась хвостиком, тоже не произнесла ни слова.

Остановились, когда стало чуть выше пояса. Со всех сторон миленькую полынью укрывали заросли, и если не шуметь, чужие не заметят.

– Ложись на руки.

– Как тогда, в озере? – Ее живот с удовольствием плюхнулся на подставленные ладони.

– Голову вверх и начинай подгребать руками. – Я старался не отвлекаться на ощущения. – Отталкивай от себя воду! Закон инерции: когда ты ее в одну сторону, она – в другую. Шевели ногами. Не так! Вверх-вниз ступнями. Или по-лягу... по-квакски.

Ил поднимался под топчущимися ногами. Руки несли царицу по кругу словно бомбу – опасно, но надежно и с надеждой на лучшее. Марианна старалась. Создаваемые ей волны вливались в открытый рот, она плевалась, глотала, но не сдавалась. Впереди и сзади ее конечности взбивали пену двумя активно действующими гейзерами, но весь эффект от этих действий уходил в воздух и на дно.

Я остановил движения и поставил бурно дышащее создание на ноги.

– Подожди. Перевернись. Сначала научись лежать на воде.

– Смейся? На воде лежать нельзя!

– А ты попробуй. Набери больше воздуха.

Недоверчивые глаза продолжали смотреть на меня, но грудная клетка вспухла, щеки надулись, и тело откинулось назад.

– Грлфр... тону-у!

Мои руки спешно вернули начинающую русалку в вертикальное положение:

– Не все так просто.

– Было бы просто, сама бы до всего дошла. – Упрямая царевна злилась, только непонятно на кого: на неумеху-себя или непутевого учителя? – Покажи, как правильно.

Доигрался. И не отвертеться, царевна в своем праве. Она же ложится, как говорю, и не важно, где что при этом выпирает.

– Смотри у меня! – Предупредительно пожурив пальцем, я откинулся навзничь – плавно и медленно, чтоб не взбаламутить воду.

Марианна не удержалась хмыкнуть:

– Думаю, ты вложил в это указание исключительно переносный воспитательный смысл.

– И только попробуй понять неправильно.

Мои руки раскинулись, ноги выпрямились, тело уравнилось. Из полупогруженного лица сверху остались только глаза, нос и рот. Полежав так с полминуты в ненавистном качестве пособия, я вернулся в исходное положение учителя:

– Научись доверять воде. Попробуй еще раз, но без напряжения. Отдайся воде. Пусть она несет тебя, как хочет, не думай ни о ней, ни о себе.

– Не могу не думать. Меня уже несло. Ты помнишь, чем кончилось.

Помню. Значит, для начала ей нужно держаться за что-то. Из чего-то здесь только кто-то.

Я почесал стриженный затылок:

– Прости за позу, которую придется принять, но...

– Слушай, это я должна стесняться. Как лечь?

– Гм. Обними меня руками и ногами.

Ее глаза напряглись одновременно подозрительно, одобчительно и уважительно:

– Уверен? Я-то как бы не возражаю...

Не договорив, она запрыгнула на меня, пока не передумал; шея оказалась в капкане рук, ноги обвили поясницу. Громко стучащие колокола распластались по груди, сбивая дыхание обоим.

Мои ладони сошлись на ее талии:

– Теперь отпусти руки. Отпускай-отпускай. Опрокидывайся назад. Медленно. Ложись на воду. Раскинь руки. Дыши ровно. Не бойся, пусть лицо погрузится еще глубже, я держу. Запрокинь лицо.

– Я ничего не буду слышать! – Ее живот напрягся, и напружиненное тело вылетело из воды, повиснув на крепко стиснувших поясницу ногах и моих поддерживающих ладонях.

– Нужно не слышать, а выполнять! Расслабься и лежи. Это все, что требуется. И не вставать без приказа!

– Но как я услышу приказ?!

– Почувствуешь! – С силой нажав, я плюхнул ее обратно.

Подействовало. Царевна мужественно отплевывалась, захлебывалась, тонула, взбивала руками пенные буруны, но задранного в небо подбородка больше не поднимала. На искрящемся упавшем небосводе передо мной белел необозримо живой Млечный путь, который оплел меня кольцами планет и связал общими орбитами. Он имел свою непреклонную волю – но подчинился моей. Зовуще-далекый – и такой терзающе-близкий. Недозволительно близкий. До ожогов на коже. Еще – чужой и странно родной одновременно (ага, мы же в ответе за тех, кого).

Притворявшееся прирученным создание мерно дышало, закрытые глаза периодически заливало, а макушку, половину лба, виски и уши полностью захватила враждебная стихия, с которой царевна, пытаясь помириться, достойно боролась. Шея, ребра, бедра – все это так же поглотила алмазная рябь. Лишь кораллово белый остров живота то погружался, схлестываемый волнами, то снова всплывал, подставляя лучам блестящую нежность. Колодец пупка тогда превращался в маленькое озеро, звавшее на водопой (и ведь хотелось, блин его за ногу). А чуть выше выступали над синей густотой луковки куполов, словно храмы утонувшего Китежа маня

в царство нимф, сирен и водяных. Или хотя бы в ладони – напоминая о бренности сущего и с мыслями о высшем вызывая к низшему.

Нет уж, уважаемый Китеж, утонул так утонул.

Я чутко улавливал приливы и отливы взаимоотношений с водой, которые царевна выстраивала с моей помощью. Когда тонула – приподнимал, расслаблялась – плавно опускал. Смотрел на нее (а куда еще смотреть?) и думал: не роняли ли меня в детстве? Что я за человек, если со мной делают, что хотят, а я покорно ведусь, думая, что веду сам?

Легко соблюдать чужие правила, если приятно и выгодно. Легко быть человеком-говорящим-да. И так трудно вспомнить в момент приятного процесса, что у каждого правила есть автор, а у автора – цель.

– Хватит. – Я выдернул из воды только что сумевшую совсем расслабиться царевну и могучим отодвиганием от себя разорвал обруч из ног.

У падения с высоты, которую покоряешь всю жизнь, два минуса. Можно разбиться и невозможно забраться обратно. Вопрос: зачем падать?

Глава 5

– Что случилось? – всполошилась очаровательная поплавчиха, тут же спрятавшись в воду по горлышко. – Чужие?

– Нет, свои.

– Где?

– В голове. Потому что – мысли.

– Не поняла.

– Я пока тоже, но общее направление гениальнейшей идеи дня ухвачено, дальше будем импровизировать. Иди за мной.

– Обратно?! – изумилась царевна. Впрочем, она беспрекословно пошлепала след в след за мной в направлении оставленных сзади купальщиц, раздвигая завесу зарослей, словно ледокол вставшие на дороге торосы. – А хождение по воде? У меня только начало получаться!

– Потом продолжим.

– Учти, я запомнила: ты обещал.

Вот так они с нами, людьми слова. Точнее, с людьми слов, наполненных поступками. Был бы обычным пустобрехом – никакой ответственности. Неси любую чушь, обещай хоть жениться – ни за что не отвечаешь. Жаль, что не все могут отличить слова-воду от слов-золота. Те и другие блестят на солнце, но вторые не испаряются под его лучами. Ого, как сказанулось. У меня, случаем, в роду эфиопов не было?

– Тихо!

По краю шумливого берега мы подкрались к деревьям и залегли. Высокая трава укрыла с головой. Просветы в зелени давали смутный вид на веселившихся на мелководье созданий. Голосов не разобрать, поскольку все говорили одновременно – впечатление создавалось именно такое. Одни плескались, не заходя в реку дальше, чем по колено, вторые лежали и «плавали» там, где по щиколотку. Третьи что-то бурно обсуждали, окунув в воду только ступни.

– Сиди тут! Голову не высывай! – приказал я, уползая вперед.

– А если тебя бить начнут – можно?

– Нужно.

Подумав, я добавил:

– Если за мной просто погонятся – удирай в другую сторону от той, куда бегу я. Туда. – Моя рука махнула в направлении вверх по течению. – Я сделаю круг и найду тебя у заводи.

– А если случится что-то непредвиденное?

– Тогда поступай по собственному разумению, но с учетом моего плана. Иначе потеряемся.

– Я не хочу потеряться.

– Договорились.

По-пластунски проскользнув к разбросанной по берегу одежде, я стал хватать всю, до которой дотягивались руки.

Отсюда голоса разбирались:

– Сколько нам еще по деревьям лазить? Говорят, перволюди с деревьев спустились, а нас каждый день обратно загоняют.

– Сказки о перволюдях ненаучны, ты как будто пап не слушала. Даже не заикайся на эту тему.

– Загоняли бы уж вместе с мальчиками, все веселее.

– Тебе бы только мальчики.

– А тебе?

– А мне – чтоб мир во всем мире.

– Задавака ты, Огняна.

Ну да, мир во всем мире, и еще «чтоб наши победили» – две как-то взаимосвязанные мечты всех детей на свете.

И немного смутили папы во множественном числе. Неужели опять?!

Набрав полную охапку вещей, я прижал их к груди, и пришлось вспомнить человолчьи навыки – назад прошмыгнул на трех конечностях.

Обошлось. Девочки, в отличие от мальчиков, к собственной безопасности относились не просто безответственно, а с какой-то самоубийственной провоцирующей надеждой на безумные приключения, на вырывающие из рутины небывалые события, которые в принципе невозможны, но... а вдруг? В общем, семь по горизонтали, вторая и последняя «а»: коллекционер приключений, у некоторых особей заменитель головы.

Не знаю, чего они ждали, но просто не видели ничего дальше собственного носа. Мне это дико помогло.

– Зачем так много?! – получил я шипучий выговор от Марианны.

– Увидишь.

Несколько балахонов мной было разбросано по деревьям дальше от берега – я как бы увел погоню за неизвестными шутниками-шкодниками в сторону садов. С остальными рубашками, количеством пять, мы вернулись к реке выше по течению. Звонкий гомон с пляжика доносился и сюда. Пропаж еще не обнаружили – там звучали смех и беззаботная болтовня. И если опомнятся, побегут по фальшивому следу. У нас есть время.

– Выбирай. – Украшенные балахоны рядком упали перед царевной.

Девичьи глазки заблестели. Марианна перемерила все, прежде чем с большим сомнением остановиться на одном. Потом на другом. Потом все-таки...

Пришлось насильно отобрать лишние. Оставив себе самый большой, я положил одну из оставшихся рубаш в воду, чтоб течение со временем отправило ее вниз. Еще пару мы хорошенько привалили камнями у берега – иначе сразу поймут, что не хватает именно двух, что сразу направит мысли на встретившихся с мальчиками беспортовых нас, которые ушли как бы в противоположную сторону. А так – чья-то шутка. Или ветром унесло. Или водой. Либо водяной спер, либо леший. Либо русалка, что почему-то на ветвях сидит, хотя у русичей так называлась женщина-птица. Мало ли в какую нечисть здесь верят. А во что-то верят обязательно, если даже в моем двадцать первом веке средний человек избегает цифры тринадцать, считает, что наступить на кашку – к счастью, и уходит от перебежавшей дорогу черной кошки. Теперь я знал, почему эта лабуда столь живуча. Она кому-то нужна! Сейчас – конкретно мне для использования во благо конкретного себя.

Думаю, девчонки пошумят и успокоятся. Никто не любит, чтоб над ним смеялись, поэтому как-нибудь выкрутятся по-тихому, и все забудется.

Отвернувшись от придирчиво разглядывавшей себя Марианны, я примерил новый костюм. Рубаха в принципе такая же, как у мальчишек. Такая же... да не такая, а чисто женская – с оборочками, кружевами, вышивкой. Двинувшись с повеселевшей царевной вдоль реки, я по ходу удалял все признаки принадлежности к враждебному полу. Хуже всего оказалось с вышивкой. С трудом, но удалось справиться. Колючкой я поддевал по ниточке, рвал или перетирал, вытаскивал. Сборчатую обшивку по подолу и краям рукавов, я расправил и примотал на бедре как бинтом.

– Про запас. Вдруг перевязка понадобится?

– Есть хочется, – грустно сообщила царевна.

Да, снова встал вопрос еды, и встал колом в горле. День заканчивался, а во рту ни крошки, если не считать некоторого количества противных листиков, которые теперь цепко ассоциировались с поносом. Лягушек не видели, кузнечики попадались настолько мелкие, что даже не

хотелось тратить силы на поимку. Перебились небольшой охапкой лиственной травы-сныти, замеченной мной по дороге. В остальное время еду заменяла вода.

Речушку пришлось форсировать вплавь, глубина и течение не позволили перейти своим ходом. Мы поднялись выше заводи, сняли рубахи, я поднял их на одной руке, а Марианна уцепилась за мою шею. Сплывившись через стремнину, оставшееся мелководье прошли ногами, затем подсохли, оделись и побрели дальше.

В местном балахончике Марианна смотрелась очаровательно. Узорчики, оборочки, кружавчики... Не мог представить, что буду скучать по этому милому наследию старины. Воспитанный на журнальном гламуре и эталонах высокой моды из телевизора, истинно красивым я считал только черно-белое и прямое. Остальное давно объявлено кичем, дурным вкусом и дозволено лишь Миланским кутюрье. А кто не кутюрье, тот деревенское тетерье, обязанное не выпендриваться и ходить как все – в черном, белом и прямом. В редком случае еще в ярко-красном, но обязательно прямом и без финтифлюшек. Желательно, купленном непременно в Милане или выданном за Миланское. Даже если китайское.

А Марианне шло старинное. Еще бы веночек на голову... Я умилился. Русые локоны спускались до самых лопаток. Смущенный взгляд прятался от моих попыток подловить. Босые ножки дерзко выметывались из-под бордового ободочка платья. Ну как платья... Нашейте всяких непонятных штучек-дрючек на любую мужскую вещь – получите женскую.

Впервые за многие месяцы я видел рядом с собой нормальную девчонку, а не воинственное чудо в штанах.

– Тебе идет.

Царевну словно бросили об дверь, на которой до той секунды пошатывалось ведро с красной краской:

– Не шути так.

– И не думаю.

– Вот и не думай.

Через несколько шагов все больше похожая на свеклу спутница добавила:

– Лучше думай о еде.

– Только о ней и думаю.

– А ты попытайся не только думать, но и находить.

– А ты попытайся не только язвить, но и поторапливаться.

– А ты...

– А вот и не подеремся, – перебил я.

Царевна улыбнулась и умолкла.

Из-за того, что в тот момент я смотрел на нее, сначала увидел реакцию: помертвевшее лицо, открывшийся и тут же до боли сжатый рот, подогнувшиеся ноги. Затем обнаружилась причина: с видом на реку на пригорочке догнали тела на кольях. Ближе лучше не подходить – трупный смрад сносился ветром, но если внезапно дунет в нашу сторону...

Разбойники или ушкурники?

– Кажется, это женщина, – нерешительно предположил я.

Крайние останки действительно чем-то напоминали прекрасный пол. Сейчас это сравнение выглядело кошунством. Деревянное острие вылезло между ребер, не давая свисавшим вокруг жутким ошметкам провалиться ниже. Гниющее мясо шевелилось, конечности болтались на сухожилиях и остатках кожи, запрокинутая голова узнавалась лишь по наличию черепа.

– И что же, что женщина? – Взгляд Марианны был тверд и пуст. – Значит, тоже преступница. Ни в чем не виновного человека столь жестокой смерти не придадут.

Ну-ну, наивное создание. Вера во что-то – оттого и «вера», а не «знание», что находится по обратную сторону фактов.

Как говорил Аль Капоне, пуля многое меняет в голове, даже если попадает в задницу. От увиденного у Марианны зашевелились не только волосы, но и мысли.

– Как думаешь, что они натворили, если подверглись такому?

Я пожал плечами:

– К примеру, прибыли с той стороны реки. С точки зрения местных, это тоже может быть преступлением, вы же пришельцев убиваете.

– Мы убиваем сразу, не мучая! – вспыхнула эмоциями царевна.

– Согласен, убитым от этого гораздо легче.

Ирония вышла злой и неуместной.

– В какой жестокий мир мы попали. – Марианна помрачнела.

Удаляясь, она еще долго оборачивалась. Мне тоже было не по себе, но не по себе мне было и по другую сторону реки. Неплохо бы узнать, кому поклоняются и во что верят здешние обитатели. Много раз слышал, что вера делает людей лучше – но люди, которые так говорят, не знакомы с постулатами учения Аллы-мужененавистницы и забывают, что, к примеру, Гитлер был образцовым католиком. Не вера делает нас лучше, а мы веру.

Царевна верила в меня. Увы и ах.

Глава 6

Небесный ориентир периодически терялся, часто мы продирались сквозь лес наобум. В таких случаях я доверял интуиции. Интуицию подкармливало желание жить. До сих пор ни то, ни другое не подводило, и царевна в этом деле целиком положила на меня. Деревья покрывали побережье то редко, то непролазно, иногда приходилось кружить в поисках бреши, иногда даже возвращаться, чтобы найти другую тропу. Полянок мы избегали, проходили их по опушке, держась в тени, а редколесье вызывало панику – показаться на просматриваемых участках во весь рост теперь казалось самоубийством. Картинка казненных стояла перед глазами. У обоих не выходили из головы страшные мысли, и мы стали намного осторожнее как в передвижениях и производимом шуме, так и в плане безопасности. Теперь напарница сама не хотела удаляться от меня более, чем на шаг. Хорошо, что хотя бы за ручку держать больше не просила. Шараханье из крайности в крайность у нее, наконец-то, прошло, на некоторое время возобладал трезвый расчет. Другое дело – долго продлится здравомыслие спутницы? Как бы она ни храбрилась, но в шкуру мужика ей не влезть. Матриархат, где бы ни появлялся в предыдущие тысячелетия, ни в одном месте на ощутимый для истории срок не задержался. Для меня это было поводом к размышлению, и приводило оно к некоторым весьма нетолерантным выводам. За любой из таких выводов феминистки без раздумий на кол посадят. Радует, что мужики в абсолютном большинстве случаев просто не дадут им такой возможности.

– Я сегодня или перепила, или переохладилась. – Царевна поджала губки и исподлобья уставилась мне в лицо.

– Или испугалась, – плохо пошутилось у меня.

– Тогда проблема решилась бы на месте, а вопрос не возник бы. Если ты не хочешь, могу потерпеть еще немного, но недолго.

– Я человек компанейский, всегда поддержку полезное начинание. С организмом нужно дружить. Если он требует...

– Кто бы говорил. – Царевна вспыхнула и отвернулась.

– Туда. – Я указал на подходящую зелень впереди.

Несколько деревьев и высокие кусты создавали чудесное укрытие. Сначала я оставил Марианну в травянистой ямке, чтоб проверить, не ожидают ли впереди сюрпризы – просто ненавижу их в последнее время. Аккуратный обход и бросок в стиле человолка внутрь зеленой завесы прошли успешно, в идеальном для нашей цели местечке враг не поджидал. Распластавшаяся в траве царевна послушно ждала сигнала, и я призывно махнул.

Сверху почти отвесно прошивали кроны яркие лучи, пели мелкие птицы, стрекотали кузнечики. Если б не недавние трупы, атмосфера была бы идиллической. Пробравшаяся ко мне Марианна оценила защищенность от лишних взглядов, больше смахивавшую на интимность.

Царевна встала столбом и опустила взор. Распорядиться дальнейшим вновь предоставлялось мне – по ее мнению ответственному за все, что произошло, происходит и еще когда-либо произойдет. Она назначила меня таким ответственным, искренне считая себя вправе, и с этим ничего не поделать, так с детства в мозг вдолбили. Теперь она ждала результатов. Именно я обязан был выкручиваться, а ее дело – сторона, ведь главная часть проблемы решена – виновный найден, пусть исправляет ошибки и их последствия, а если сделает это плохо, будет наказан. Обычная женская логика, знакомая мне еще по местам, от Каинового племени весьма далеким.

В очередной раз помянув про себя нехорошими словами феминизм, я скомандовал:

– Приступим.

Повернувшись друг к другу спинами, мы одновременно начали процесс.

Надо бы поговорить о чем-то отвлеченном. Хорошая мысль. Правильная. Нужная. Только абсолютно невыполнимая.

Второй раз у нас вышел более спокойным и естественным, если не сказать деликатным. Во всяком случае, не столь зубодробительным. Стукнуло: окажись царица со мной, Томой и Юлианом, когда мы жили в лесу – как повернулись бы события? Четыре фонтана гормонов, и лишь один сдерживался ржавым вентилем разума. Да и тот постоянно давал течь. Немного давления на меня, и две парочки вполне могли основать новую человолчью стаю.

Странные мысли, но чем-то влекущие. Еще немало во мне от животного.

Организмам полегчало, и с легким ощущением счастья мы двинулись дальше. Местность разнообразием не удивляла, и это здорово. Густая зелень, ниспадающая и восходящая, напоминала пасть хищника-вегетарианца – он ежесекундно проглатывал обидчиков, использовавших его части для эгоистических нужд, но что с ними (то есть, с нами) делать дальше – не знал. Поэтому мы пробирались сквозь чащу без приключений. Иногда встречались кустистые прогалины, иногда – змеившийся пролесок, переходивший в мелкое редколесье на месте пожара. В основном мы прокладывали путь через дремучие дебри, и другой дороги я не хотел – на открытом пространстве нас легко засекут.

Усталые, задолго до темноты мы уткнулись в очередную стоянку судов.

– Останавливаемся здесь, – снулым голосом сообщил я.

Ноги царицы подогнулись, ошестинившаяся трава всшипела, ломаясь под рухнувшим телом, и, обозлившись, впиалась шелестящей щеткой колючек. Но спутница даже не охнула.

Как на прежних стоянках, здесь кто-то заботливо оставил гору напиленных чурок, которые требовалось лишь расколоть на поленья. Под окружающими деревьями земля была умята и выровнена, осталось лишь набросать ветвей-листьев. Готовый лагерь.

Марианна не могла даже пошевелиться – тупо смотрела, как подобная ей сомнамбула бродит по округе, собирая хворост, затем разводит костер. Топор отсутствовал, поэтому более серьезные дрова пришлось добыть старым способом – выбрать чурку с трещинами и кидать о стволы и камни. На это ушли последние силы. Когда благодатно затрещало, я решил не миндальничать:

– Собирай насекомых. И кузнечиков, и муравьев. Будем жарить все, что не убежит. И червей тоже. Будешь их есть, если приготовлю вкусно?

– Буду.

Сначала я направил стопы к реке. Текучая вода обожгла сбитые ноги. Наклонившись смыть грязь, я будто получил удар током под дых, открывший второе дыхание:

– Еда!!!

На дне виднелся знакомый темный овал. Беззубка! Пусть не устрица, но для голодных ртов лучше устрицы. И только посмейте кто-то сказать мне про лимон или уксус.

Марианна подключилась к сбору донных раковин. Затем я с трудом вскрыл первую с помощью щепки и острого обломка камня. Царица с сомнением качнула головой:

– Какая-то слизь. Уверен, что ее едят?

– Не ее. Надо извлечь крепкий язычок, который у нее нога. Вот. Теперь поджаривай на палочке и ешь.

Каждая раковина давала малюсенький кусочек аппетитно пахнущего мяса. Наесться не получится, столько беззубок в округе просто не водится, но мы перекусили. Взоры повеселили. Я полез делать гнездо – ночевке на земле инстинктивно не доверял. Подходящее дерево нашлось не рядом, зато с возможностью следить за движением на реке. Царица следила за работами с земли.

– Прошу. – По прошествии получаса я пригласил наверх.

Не тут-то было. Могучее сверху, внизу дерево имело ровный высокий ствол, без сноровки не забраться. Пришлось спуститься, чтоб посадить. Бережно обхватив, я начал приподнимать...

– Осторожно! Порвешь! Или помнешь!

Женщина, она и в диком лесу – женщина. А не человек.

– А во сне как бы не помнешь?

– Мы что... прямо так будем? – смутилась Марианна.

Совсем недавно ее смущало противоположное. Я даже повеселел:

– Отвыкла?

– К хорошему быстро привыкают.

– А я плохой.

Утверждение почти сразу было опровергнуто действием – присев на корточки, я подставил царевне плечи.

– Ты хороший. – Она с нескрываемым удовольствием взобралась. – Хороший, который зачем-то притворяется плохим.

– Нет, я плохой, который притворяется хорошим.

– Неправда.

– Ты же меня не знаешь.

– Думаю, что уже знаю.

– Не знаешь, – упрямо настоял я, подпирая ладонями обнявшие шею бедра.

– Что же мешает нам узнать друг друга лучше?

Вместо ответа мои колени и руки синхронно-резко разогнулись. Ахнувшее существо взлетело к небесам и временно потеряло дар речи. Я вскарабкался следом.

– Мама говорит, – снова проснулся в укладывавшейся напарнице говорливый инстинкт, – хорош тот, кто тебя волнует, но еще лучше тот, кто за тебя волнуется. Мне повезло, со мной – лучший.

Я молча укрыл ее ветками. Чего скромничать, сам знаю, что лучший. Как любой для себя любимого. Но когда лучшим признают другие, это греет.

Из лиственного вороха жалобно донеслось:

– Прости. Мне надо...

Даже не договорила. Уютное укрытие распалось, девичьи руки взялись за нависшую ветвь, и ножка принялась нащупывать, куда наступить.

– Снова? И куда ты полезла? Мы же с этой проблемой разобрались. – Я покачал головой и стал аккуратно разворачиваться к плетеной стенке. – Делай, что нужно, я не смотрю.

В ответ – тишина. Пришлось обернуться: царевна зависла меж гнездом и стволом, рукой держалась за качавшуюся ветвь и балансировала на одной ноге. Ее ошарашенное лицо не сразу вспомнило, что ртом не только удивляются, но и говорят.

– Отсюда?! – наконец, прорвало царевну. – Как ты это себе представляешь?

– Не представляю, не смотрю и не слушаю. Делай, как хочешь. – Я отвернулся, и рука накрыла ухо.

Некоторое время ничего не происходило, затем спины осторожно коснулась ножка Марианны. Что ей еще надо?! Показать, что ли, примером, что и как?!

Царевна потупилась:

– Это не... – И пауза на полночи.

Ох уж эти женщины. Где благословенные челонолчьи времена, когда не приходилось стесняться никаких естественных позывов, ни маленьких, ни больших?

Я помог царевне спуститься и сопроводил к кустикам с огромными мясистыми листьями. Через некоторое время, вновь закидывая взгромоздившееся чудо на нужный этаж гостиницы,

мои ладони почувствовали жар. Ну, не жар, но у напарницы явно повышена температура. Если заболит...

– Как себя чувствуешь?

– Как человек, которому плюнули в душу.

Новости. Чем это, интересно? Отказом целоваться? Но у меня причины, и она их знает.

– Не дерзи, – серьезно пригрозил я.

– А то что?

Действительно, что? Брошу? Не брошу. По заднице надаю? Только улыбнется, да еще спасибо скажет. Разговаривать с ней не буду? Она за двоих справится.

– Плавать не научу.

Попал.

– Прости. – Марианна свернулась калачиком, но тут же снова провернулась и вскинула головку: – А если нас завтра убьют?

Серьезный довод. Сработает с любим, у кого вместо воли дырявый мешок хочухек.

– Умру человеком, который не нарушил данного себе слова.

Ответ царевне понравился.

– Просто в голове не укладывается, – принеслось через минуту, – что обычный поцелуй так дорого стоит.

– Тем ценнее, если.

– Если? – встрепенулась она.

– Мое «если» зависит от «с кем», а в этой очереди, извини, тебе пока не забраться на пьедестал.

– Знаю, занято. А на второе место рассчитывать могу?

– Твердо.

– А Тома? – последовало едкое напоминание.

– Уже говорил: буду с ней, пока мои поиски чем-то не завершатся. А надоедливых не люблю. Учти, со второго места можно легко съехать на последующие.

– Царевнам трудно выслушивать подобные отповеди.

– За то и нравлюсь, наверное.

Листва шумела, не обращая внимания на спрятавшиеся в ней кусочки мироздания, которые вообразили себя взрослыми людьми. В моем понимании взрослый – это умеющий отвечать за свои слова и, тем более, поступки, и тот, кто берет на себя ответственность еще за что-то или за кого-то. Я только учился быть взрослым. Ощущал себя большим, но понимал, что это лишь ощущение, рябь на глубоком озере. Маленькие дети так говорят: «Вот буду большим...» Дальше перечень: буду гулять весь день, есть только конфеты и мороженое, сутками сидеть за компьютером... Маленький человечек думает, что, став большим, станет взрослым. Как же мы все ошибаемся.

От большой девочки принеслось:

– Ты слишком прямолинеен. Нельзя говорить с человеком другого пола в таком тоне.

– Взаимно.

Затем мы долго лежали – каждый о своем. Так долго, что я не сразу среагировал, выдираясь из сна. Пальцы перехватили залезшую под рубаху руку:

– И не думай!

– Прости. Не хотела беспокоить.

Беспокоить она не хотела, поганка мелкая. То есть, сознается, что сделала это наяву, сознательно, не в сонном состоянии аффекта.

Счастье, что все оказалось не так, как подумалось.

– Хотела взять бинт. – На ноге моей спутницы оказалась кровь.

Меня подбросило.

– Что случилось?! – Из возмущения кинуло в непереносимый стыд. – Поранилась? Ссадина снова кровоточит? Покажи.

Пока одна кисть резво разматывала бывшую оборочку, вторая потянулась к царевне...

– Нет! – Ее отбросило на край лежанки, отчего хлипкая конструкция опасно закачалась.

– Я же помочь. У тебя кровь!

– Отстань! Чего привязался?!

Это я-то привязался?!

– Как скажешь. – Нарисовав позой обиду, мой организм вновь стал укладываться.

– Прости.

Слезы. Не выношу. Но никто не спрашивает моего мнения – просто плачут. Приходится успокаивать. Вместо слов я применил коронный прием ладошкой по головке – мягкий, ласковый, многократный. Нокаут! Слезы ударились в позорное бегство. Моя рука приобняла шмыгавшее носом всхлипывавшее создание. Прижавшийся бок почувствовал учащенное сердцебиение.

– Красные дни начались, – последний раз всхныкнула царевна. – Понимаешь?

К сожалению, да. И теперь на несколько дней помимо превратившейся в неадекватного демона партнерши добро пожаловать к нам в компанию мисс Раздражительность, мисс Тревожность, мисс Истеричность, мисс Депрессия, мисс Головная боль, мисс Слабость, мисс Нарушение вкуса, мисс Непереносимость резких запахов, звуков и еще чего в голову стукнет. А также господа Перепады настроения, мистер Психоз и странная пара Сонливость-Бессонница, приходящая поодиночке, но в непредсказуемом порядке.

Отдав все повязки, я отвернулся на время. Когда возня завершилась, на меня глядели полные страдания глаза. Девичьи ладони держались за низ живота, ноги скрючились и коленями тянулись туда же. Все, что я знал по этому поводу: ей нужно расслабиться. Мысль – материальна, надо настроиться на положительную волну. Но как?!

– Успокойся, – попытался я голосом понизить дерганную нервозность напарницы. – Все хорошо.

– Ага, тебе хорошо, – огрызнулась она. – Знал бы, как мне сейчас хорошо.

Привет от вышеперечисленной компании. Ладно, зайдем с другой стороны.

– Могу как-то помочь?

– Как?

– Не знаю.

– Вот именно. Не знаешь, а болтаешь.

Я перевел дыхание.

– Но что-то надо делать.

– Что? – ошпарила она интонацией.

– Сейчас придумаем.

– Придумает он. Волшебник нашелся. Великий придумыватель.

Стоп, Вася, удушение, как и выкидывание за борт, не выход. Девушка не специально, это у них от природы, чтоб в остальное время более вменяемыми казаться. Терпи, не ты первый, не ты последний, увы.

– У тебя всегда так или сейчас как-то особенно?

Болезнь со счетов скидывать тоже не стоило. Лучше перестраховаться.

Марианна глухо объяснила:

– Обычная боль: то ударяющая, то тянущая, как всегда, когда начинается.

– Как дома справлялась?

– На живот клали грелку.

– Разве теплое помогает?

– Кровь гонится лучше, внутренние вздерги утихают, боль становится меньше.

Тупо поглазев по сторонам, я ничего не сумел придумать.

– Могу предложить только это.

Царевнина радость от протянутой руки развеяла сомнения. Схватив как последнюю соломинку, Марианна всунула мою кисть под рубаху, ладони накрыли сверху, поднятые к груди ноги плотно прижали. Пятерня мгновенно взмокла, вдавившись в нежный живот. Чудотворная мягкость обволокла пальцы, мизинец защекотало, гладкая кожа по всей площади соприкосновения обожгла ощущениями. Сознание завибрировало от неуютности, пришлось бить его крупнокалиберным аргументом: уймись, я помогаю! То есть: гоню кровь, уменьшаю вздерги, утихомириваю боль. Так, кажется. Или не так, но соседке явно полегчало.

Некоторое время мы лежали, не смея шелохнуться. Дыхания медленно, о-очень медленно, но выравнивались. Трели пульсов возвращались к ритмам привычных песенок. Колдовство взрывного соприкосновения прекратило искрить и стало просто греть. Что и требовалось.

Тихо раздалось:

– Тебе удобно?

– А тебе? – спросил я в ответ.

– Мне хорошо.

– Вот и хорошо.

Мои веки с облегчением закрылись.

Глава 7

Это произошло ночью.

– Тихо! Замри! – Скрутив в бараний рог попытавшееся перевернуться тело, я зажал девичий рот. Мы застыли, пристально вглядываясь во тьму.

Очередные бурлаки. Тянут-потянут...

Эти – вытянули. Шум остановившихся на отдых людей наполнил берег, несколько воинов с мечами наголо осторожно вышли на поляну с кострищем. Ничего нового: бронзовый век в собственном соку. Шлемы – куполом или шляпой, по телу – бронзовые пластинки и чешуя, на ногах – сапоги.

Тлевшие угли не насторожили, наоборот, пришельцы удовлетворенно хмыкнули, отходя к запасу чурок, которые осталось только нарубить. Суета готовки выбила покой из леса, как слишком усердный следователь признание из бомжа.

Как определить, хорошие ли люди? И сами мы не очень похожи на достойных бюргеров или селян, чтоб к нам отнеслись непредвзято. Явные беглецы. А беглых либо возвращают хозяевам, либо продают новым. Закон жизни. Той жизни. Давней. В историю которой я каким-то образом попал. Во всех смыслах.

– Никодим, мы по-быстрому или с лёжкой?

Предводитель, плюгавенький сутулый мужичок, не поворачивая головы, пострелял пронзительным взглядом, затем прищурился:

– По-быстрому, и очень.

Вытянутое лицо с глубокими морщинами у глаз напоминало кого-то из семейства гиеновых, козлиная борода топорщилась, скудную растительность на щеках и подбородке трепало ветерком. Неприятное лицо заставило меня пока не думать о радостном сошествии и братании.

На правах старшего Никодим уселся у будущего костра, которым только начали заниматься: рубили, поджигали, устанавливали, принялись варить...

Бурно дыша мне в ладонь, Марианна ухитрилась шепнуть:

– Кто?

Я пожал плечами. Сейчас нужно сидеть как мыши в присутствии кота, любой звук – путь на плаху. Или домой. Как повезет.

– Враги?

– Посмотрим. – Пришлось снова заткнуть слишком бойкий рот царевны.

Взгляд старался пробить листву: на ушкурников новопривывшие не похожи. Ладья большая, торговая, с «чердаком», как тогда назывались закрытые помещения, ныне – каюты. Явно – купцы, но какие купцы? И начальник не вызывал доверия. Так среди крутых бандитов-быков всегда есть мелкий гнида, которого, кажется, плевком перешибешь, а поди ж ты – оказывается великим умищем и серым кардиналом всей кодлы. С его замыслов все начинается, его разводом лохов «по понятиям» все заканчивается. И всегда в его пользу. Лучше уж подождем следующего трамвая. Или переправимся на плоту, как изначально задумывалось. Знаю, после всего произошедшего данное заявление выглядит неубедительно, но на самом деле я совершенно не люблю приключения. Теперь.

Марианна подрагивала, сжавшись в комочек. Правильно. Я тоже боюсь. Моя рука прижала ее и успокаивающе погладила.

Купцы-воины ели мясо. Ну не сволочи ли. Я не успевал глотать слюни. Предводитель Никодим послал двоих оглядеться в округе. Вернувшись, бойцы заверили, что все тихо.

– Собираемся. – Никодим поднялся первым.

Кто-то прибежал с деревянным ведром заливать костер, кто-то потащил котел и прочие причиндалы обратно на судно. Никодим пальцем подозвал нескольких воинов:

– И не забудьте того, кто на дереве.

– На каком?!

Кривой палец вытянулся в нашу сторону.

Упс. Вот и вся маскировка.

– Слазь, а то хуже будет! – На нас направилось всевозможное оружие, как холодное, так и метательное.

Сопротивляться нет смысла. Мозг, штурмующий ситуацию, выстрелил идеей:

– Скажешь, что я твой домашний зверь – застигнутый на полпути в Священный лес человек-волк, теперь безмозглое создание. Вдруг получится разыграть ту же карту, что с пиратами.

– Мелкота! Двое! – доложили принимавшие нас воины нехорошо улыбнувшемуся Никодиму. – Ого, сразу и мальчик, и девочка, и какие смазливые. Удачный день.

Снимая царевну, ее глумливо облапали, отчего она вспыхнула и попыталась вырваться. Пощечина-оплеуха вызвала слезы в непонимающих глазах: за что?! Похохатывая, бойцы Никодима толкали девчонку друг к дружке как мячик, откидывали защищавшиеся руки, задирали подол.

Я вспомнил четвероногость. С дерева не слез, а полуслетел-полуспрыгнул, проявив былые навыки во всей красе, демонстративно принявшееся лицо состроило недовольный оскал.

– Гррр! – сказал я, ринувшись на помощь царевне. Зубы едва не впились в бедро ближайшего мужика.

– Что с ним? Юродивый или придушивается? – От меня отшатнулись и постарались пнуть с разных сторон.

– Это мой человек! – звонко объявил девичий голос. И тут Марианна совершила глупость, принизив всю игру: – Не трогайте его!

Пожалела, комок ей в кашу и пенку в молоко. Не могла сказать: «Осторожнее! Кусается! Взглядом на тот свет отправляет, а слюна вообще ядовитая!»

Впрочем, без толку: человек здесь не знали. И тотем у этих купчиков, видимо, другой, если вообще имелось что-то святое.

– На суе показывать будем как диво заморское. Ловите, только шкурку не попортите, больно симпатичная. – Никодим быстро зашагал к берегу.

Несколько человек с веревками наготове окружили меня. Еще двое схватили царевну, рот заткнули кляпом и теперь держали ее, дергавшую ногами в желании помочь – мне, а не себе. Храбрая девчонка, только глупая. Отвага – это смелость, проявленная к месту. Уместность определяется умом и опытом. У Марианны уместность диктовали эмоции.

Внезапно все кончилось, все застыли, как приговоренные на эшафоте, когда нож гильотины уже летит.

– Удачи и здоровья вам, люди добрые, гости дорогие, – раздалось из леса.

– И вам того же. – Никодим расправил плечи, вглядываясь в тень за листвой. Он так и остался между костром и судном, где его застал голос из чащи.

– Как вам наша земля?

– Благодарствуйте. Чувствуем себя как дома.

– Нет ли какой обиды или неудовольствия?

Голос явно пожилой. Одновременно дерзкий и настороженный. Умудренный. Владелец такого голоса не станет нарываться зря, но своего не упустит.

– Никак нет, добрые хозяева, все превосходно.

– А дрова? Не сырые?

– Ничуть. Все как надо.

Среди деревьев показалась фигура. Тьма скрывала детали, но в основном все видно: крепкий старик в львиной гриве седых волос, которые образовывали внизу сказочную бороду:

длинную, белую, пышную. Необъятную. Граф Толстой нервно курит в сторонке, Карл Маркс и всякие Бармаи рядом не лежали. Если только вымышленный персонаж Дед Мороз... но то – вымышленный. Мы наблюдали здесь живую летнюю копию новогоднего деда – в плетеных лаптях, холщовых штанах и подпоясанного расшитым кушаком рубаше. Из-за его спины высывал любопытный нос настороженный мелкий постреленок. Видимо, тот самый «гляделец» из разговоров мальчишек. Оружия у «добрых хозяев» не было. На первый взгляд. Впрочем, на второй тоже.

– Если вас все устраивает, то будьте любезны плату за гостеприимство и можете отдыхать дальше.

– Благодарны хозяевам, извольте получить, что причитается. Оставаться, увы, не будем. Дела.

– Вижу, что уже собираетесь, но нехорошо так торопиться. А если б, не приведи Святой Никола, мы не успели, что бы вы потом говорили? Как людям в глаза посмотрите, и что они скажут о такой нелюбезности?

Продолжив елейным тоном, Никодим изо всех сил старался не сорваться:

– Простите нас, мы действительно торопимся. Если б вас не дождались, в следующий раз отблагодарили бы вдвое.

– Не бывает следующего раза, гости дорогие, сами знаете. Кто это у вас?

Он указал на меня и царевну, которых удерживали дюжие вооруженные молодцы.

– В качестве извинений примите помимо стандартной платы мальчишку. – Укрытый дорогим доспехом Никодим вынужденно склонился перед лапотным стариком.

– Больной? – В меня впился взгляд из глубокого укрытия волос, усов и бороды.

– На голову. В остальном – сами видите. Симпатичный, крепкий, готовый бойцовый пес.

– А что за девчонка?

– Тоже больная, но... Но это наша девчонка, – непререкаемо закончил Никодим.

Заискрила дуэль взглядов. Злой Никодимовский напоролся на неожиданно могучий стариковский. Застывших в клинче взоров никто не отвел. Старик вымолвил несколько добродушно, словно за ним в кустах пряталась армия:

– Девочку придется отпустить.

– Это наша.

– Ваша добыча?

– Просто наша.

Руки купцов-воинов потянулись к мечам.

– Если девочка путешествует с кляпом во рту и конвоем, то явно не по своей воле.

– Всяко бывает. Не нужно бы вам лезть в чужие дела. Добыча с вашего берега – ваша.

Не спорим. Потому и отдаем мальчишку.

– Девушка тоже не ваша. – Я поднялся с четверенек.

У большинства отвалились челюсти, а от Никодима повеяло смертельным холодом. Отряхнувшись, я пошел к задержавшейся Марианне.

– Ну вот. – Старец удовлетворенно зевнул. – За обман штраф. Оставьте один меч.

– За меч мы дюжину таких купим! – Вскинутая рука указала на меня.

– Или откажем в гостеприимстве.

Новый раунд бокса взглядов остался за хозяевами леса. Не нокдаун, но победа по очкам. Гости были сильнее, но хозяева – техничнее.

– Согласны, – буркнул командир.

– И девчонку.

– Это слишком!

– Кудряш, что видел? – обратился старик к прятавшемуся за ним мальцу.

– Первый огонь эти двое развели. – Маленький пальчик нашел нас с царевной среди остальных. – Я пришел на дым, они уже спали. Те, с челна, их забрали.

Корабли зовутся челнами, механически отметил мозг. Лучше, чем корытами.

– Беглые, видно же! – не выдержал один из купцов. – Законная добыча!

– На нашей земле вся добыча – наша, – окончательно утвердил старец. – Отпускайте, пока второй меч не потребовал. И буду вправе, сами знаете.

По кивку предводителя захваты ослабли, освобожденная царевна бросилась мне на шею.

– Ну вот, – довольно улыбнулся старик. – Все разрешилось. Кудряш, возьми за постой и штраф не забудь.

– Не держите зла, – через силу откланялся Никодим.

– И вы, люди добрые, – упала сказочная борода в ответном поклоне. – Будете еще в наших краях – заходите, милости просим. Мы люди простые, не злопамятные. А вот конязь лют. Но о нынешней неприятности мы ему докладывать не будем. Мы друг друга поняли?

Взяв под руки меня и судорожно дышавшую после освобождения от кляпа Марианну, старик повел нас вглубь леса. Через мгновение догнал мелкий Кудряш:

– Дед Пафнутий, вот!

– Неси, – не глядя, отмахнулся дед Пафнутий.

Потом он перевел колючий взор на меня. Я выдержал и выжигание дырок в зрачках, когда что-то пыталось через них всверлиться в мозг и пошарить там, и последующее придиричивое разглядывание всей фигуры в целом. Затем настала очередь царевны.

– Вижу, не беглые. Вообще не наши. С челна? Потопли?

– Ушкурники, – влез я прежде, чем царевна раскрыла рот. – Все забрали, всех положили. Мы одни спаслись.

– Сироты, значит. – Что-то задумчиво потикало в уме старика и выдало результат: – Ну, пойдём с нами. Есть хотите?

Часть вторая

Пес, муж, кузнец.

Глава 1

В котомке старика нашлось кое-что съедобное, затем мы выдвинулись к показавшемуся вдали небольшому поселению. Оно состояло из нескольких домишек и очень напоминало казачий хутор.

Не совсем хутор. И совсем не казачий. Вместо шашек – мечи, вместо заломленных папах – островерхие шишаки. Какая-то богатырская застава. Хотя... Хлипкие мазанки, крытые соломой, окружал тын – для защиты от неприятеля такое не годится, но обитатели, которых видели глаза – военные. Видимо, здесь что-то типа таможни. Отсюда вывод: времена стоят достаточно мирные, иначе не гуляли бы вдали лошади, привязанные к вбитым кольям. Сами вояки в количестве двух штук вывалились из домишки и вальяжно направились навстречу. Мечи в ножнах, походка вразвалочку, взгляд рассеянный и одновременно прощупывающий – таможня и ГАИ в одном флаконе. Даже животики у храбрых воинов наметились почти такие же.

– Вот. – Кудряш передал им собранную с гостей плату.

– Свою часть мы в следующий раз возьмем, – сообщил дед.

Один воин спрятал добычу в мешочек на поясе, второй заинтересованно сделал вокруг деда Пафнутия круг:

– Старик, да ты помолодел не по годам. Ну-ка сгорбись.

Дед Пафнутий со вздохом выудил из-под рубахи спрятанный за спиной меч.

– Штраф взяли? – Оглядев меч, вояка пристроил его у себя за поясом.

Другой укоризненно, но с понимающей улыбкой покачал головой.

– Не хотели платить, – признался дед.

– Кто? – Ребята посерьезнели.

– Новенький, Никодимом кличут. Из верхних. Челн небольшой, но с чердаком.

– Разобраться?

– Не надо. Я вот сиротинушек подобрал. – Пафнутий кивнул на нас. – Тоже увезти хотели, но закон-то на нашей стороне.

– А то.

Воины бросили на нас с Марианной ленивые взгляды. Не найдя ни в чем криминала, они вернулись «на службу», то есть под крышу домика, а мы последовали дальше по наезженной грунтовке. По одной стороне расстилалось возделанное поле, по другую – убранные ухоженные сады. Не чета дорогам. Садами здесь занимались всерьез. Один из видов государственного дохода – если верить слуханному. Следы людей, коней и телег наползали друг на друга, кое-где зияли ямы. Местами приходилось обходить немалые лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя. По сравнению со страной башен здесь дорогам внимания не уделяли. Как и должной охране рубежей.

– Кудряш, – обратился дед к пацаненку, – беги вперед, скажи Немиру, пусть готовит встречу.

Всякий раз, когда лень, привычка и размеренность овладевают каким-либо народом, это ему выходит боком. Вышло и нам.

– Бегите, – сорвалось с губ кряхтевшего с нами деда.

Я оглянулся по сторонам:

– Куда?

– Почему? – вскинулась Марианна.

– Поздно, – сказал старик и тяжело опустился наземь.

Из-за развесистых деревьев вышли старые знакомые, в руках – луки, мечи и брыкавшийся Кудряш.

– Говорил же тебе, дед, – скучно бросил Никодим, возглавлявший отряд, – не лезь не в свое дело.

Я виновато глядел на царевну. Не будь ее рядом – вырвался бы и рванул в сады. Невзирая на. Но она была.

Нас быстро обыскали.

– Меча нет.

– Разленились вояки, не передай они присмотр сельским, не только меч уплыл бы. – Никодим перевел взгляд на нас с Марианной, вновь связанных и с кляпами во рту. – Нам это на руку. Некоторое время никто их не хватится.

Тут что-то произошло. Внезапная сумятица, вскрик, смачная ругань, стук отпущенной тетивы, снова вскрик. Один из Никодимовских бойцов вынес на обозрение Кудряша, в спине которого торчала стрела.

– Убег бы. Пришлось. – Он равнодушно перевалил трупик через плечо.

Дед Пафнутий, у которого тоже заткнули рот, бросился к убитому мальцу. По усам и бороде покатались слезы. Затем со связанными руками старик кинулся на убийцу.

Меч Никодима плашмя ударил его по затылку.

– Уходим, – сказал он.

Деда попытались поднять.

– А он... того. – Боец показательно скрестил на груди руки. – Окочурился.

Никодим ругнулся.

– Тела нельзя оставлять, пусть думают, что их куда-то нелегкая занесла. Старика тоже тащите.

Он подал знак, и кто-то из команды первым выдвинулся в обратную сторону – бесшумно, незаметно, как опытный разведчик. Убедившись, что все в порядке, за ним так же осторожно, короткими перебежками, последовали остальные. Дважды надолго залегали, сливаясь с землей. Меня с царевной и трупы несли без церемоний, иногда волокли по земле, чаще перекидывали через плечо или по двое держали на весу за руки и ноги. Пока шли садами, мне и девушке позволялось идти самостоятельно, нас просто направляли грубыми толчками и постоянно пихали в спины с требованием пошевеливаться. Заставу обогнули без проблем, оттуда никто не глядел ни назад, ни по сторонам. Видимо, там предпочитали, чтоб люди и деньги приходили к ним сами, по главной дороге. После садов отряд оказался в густом лесу, откуда через некоторое время пробрался на берег. Здесь все повеселели.

– Может, по течению назад? – предложил Никодиму мужик, который нес на плече пацаненка.

Несколько человек кивнули. Чувствовалось, что отвечать за гибель мальчика и деда команда желанием не горит. А возможность такого ответа витала в воздухе. Мне вспомнились казненные. Если так наказывают нарушителей порядка вроде наших похитителей, то я двумя руками за подобную справедливость. Как говорят Аллехвалинцы, если сознательно плюешь на общество – оно обязано ответить тем же, причем так, чтоб другим неповадно было.

– Нас там уже видели, – не согласился командир. – Когда этих хватятся, мы должны быть, во-первых, далеко, во-вторых, ни при чем. Пусть потом ищут, кто и что. До порогов осталась пара часов тяги.

Нас переправили через высокий борт на занозистую палубу. На поперечине единственной мачты висел свернутый парус, тяжелый и заставивший поежиться: а если сверзится? В трюм вел прикрытый крышкой широкий лаз, а палубу от начала до конца перечеркивали ска-

мы с упорами для ног. С обеих сторон к скамьям прилагалось по веслу, каждое некогда являлось высоким деревом. С мачты спускались канаты непонятного назначения, пахло сыростью.

Нас сгрузили на борт, а трупы Никодимовская братва завалила камнями на дне реки – не найти, если не знать, где искать. Затем команда в несколько рывков столкнула судно на воду и взялась за сброшенные на берег канаты. Пристраивая лямку через плечо, кто-то ныл:

– И чего не дадут голытьбе подработать? Прежний конязь разрешал.

– Тянем сами, а поборы почти не изменились, – поддержал еще кто-то.

– Бурлаки не носили оружия, им было запрещено, – ответил другой, более старый голос, – и однажды кто-то увез работяг. Теперь с этим строго.

На борту осталось двое – Никодим и еще один, которого я определил как главного помощника.

– Товар или развлечение? – Никодим кивнул на царевну. – Проверь.

Помощник полез к ней руками. Марианна дергалась, вертелась, пиналась и мычала. После некоторой борьбы мужик обернулся к главарию:

– Женские неприятности.

– Потом глянем. Прячь.

Из-под ног сидевшего с рулевым веслом Никодима помощник снял подставочку. На образовавшемся месте из палубы были вынуты несколько досок, под ними обнаружилась пустота в пару ладоней глубиной – типичное второе дно для контрабанды. В глубине черной щели уже лежали мешки. Меня с Марианной как нечто неодушевленное впихнули внутрь, сверху накрыли досками. Прямо над лицами осталось по дырочке для дыхания. Как говорится, рано обрадовался: отверстия оказались технологическими, именно в них крепилась подставка. Когда ее водрузили на место, в каждую дырку вошло по острому штырю, направленному прямо в лоб. Если начнем рыпаться, мычать и подавать другие признаки жизни, кому-то на палубе достаточно наступить на скамеечку, и штыри пробьют черепа.

Только теперь я понял окончательно, что проиграл. Проиграл все: жизнь, надежду, мечту. Журавля в небе и синицу в руках. И не одну. А одну подвел, не сумев защитить. Какой я после этого мужчина? Мужчины побеждают. Проигрывают много думающие о себе существа, которые относят себя к мужчинам исключительно по ничем не подкрепленному самолюбию и наличию болтающихся штучек в штанах. Пусть даже в юбках или одних рубашках, если учесть местную специфику. Остался выбор: погибнуть героем или жить побитым псом. Будь я один, мог склониться ко второму варианту. В зависимости от. Ведь никто не хочет умереть, особенно, если зря. Но я не один, в этом все дело.

Под кожу вполз ядовитый холодок страха. Тьма угнетала, давила, расплющивала. Не тьма – чернота. Абсолютная. Везде. Вокруг и в мыслях. Мир сузился до единственной мысли и превратился в ощущения. Только слух и осязание. Стук и шаги. Перекрикивание тянущей судно команды. Бок прижатой ко мне царевны. Болтанка от мелкого волнения у берега. Бичевание себя за нерасторопность.

Час. Минимум. Ценой в жизнь. Почему мы не ринулись под укрытие ветвей по первому слову старика?

Теперь просто ждать.

Прошел еще час. И еще одна жизнь.

– Пройдем ли досмотр? Все напряжены, надо бы отдохнуть, – просочился сквозь доски голос помощника.

– Всегда проходили. Всем молчать, говорю только я.

После слов Никодима раздался жуткий скрип и сразу – чужие голоса. Легкий удар борта обо что-то. Судно остановилось.

– Встать! – прилетел отчетливый приказ чужих.

В ответ – гневный выкрик Никодима:

– Я капитан. Делайте свое дело и проваливайте.

– Напоминаем – невыполнение приказа приравнивается к оказанию сопротивления.

Я узнал, что чувствуют приговоренные, перед которыми забрезжила возможность помилования. Чернота мыслей схлынула, породив обычную ночь, после которой бывает утро. Второе дыхание, второе рождение... Что-то из этой серии сейчас происходило с нами. Марианна тоже вздрогнула. Тонкие ножки еще теснее прижались к моим. Там, наверху, решалась наша судьба. Мы вслушивались. Каждый звук взметал и гасил надежды:

Хруст кия по донному песку.

Скрип досок над нами.

Поскребывание сапога Никодима о смертельную скамейку.

Деревянный визг штыря об отверстие.

Туда-сюда. На полсантиметра. Люфт. А у нас – пот на лбу. И не вывернуться: вокруг – мешки. Плечо потерлось о плечо. Последняя земляничка Хрисанфии. Куда до эмоциональной мощи этого касания какому-то поцелую.

Хотя... Вот сейчас, с направленным в лоб острием, мне вдруг до смерти захотелось поцеловать Марианну.

Нет. Не Марианну. Совсем не Марианну.

– Всем сойти на берег!

– Нет такого закона! – Никодим понял, что что-то пошло не так.

Даже мы поняли. Интонация, в которой плескалось отчаянье, сказала больше слов.

– Есть возражения? – принеслось с берега.

– Иду. – Нога над нами пошатала скамейку.

Если наступит...

Ау, Вселенная: мысленная фраза «захотелось поцеловать до смерти» не являлась адекватным, четко сформулированным желанием! Ты слышишь?! Я утрировал! Я пошутил!

Только бы мне не пошутили в ответ.

Шаги двинулись вон с борта. Моим потом можно было мыть палубу, и еще осталось бы на стирку и полоскание паруса. Сознание стало пунктирным, воспринимая жизнь рваными клочками.

Шум. Возмущение. Ругань. Через полжизни – новые шаги. Несколько человек. Стук дерева о дерево. Частый. Нескончаемый. Приближающийся. Простукивание палубы завершилось прямо над нами. Осторожное вытягивание скамейки...

Свет! В оба отверстия. Скосив глаза, я встретился со взглядом Марианны. Она плакала.

Доску подняли.

– Вот они где.

Сверху нависли несколько былинных богатырей в шишаках и пластинчатом доспехе – для качественных кольчуг нужно железо, а здесь еще бронзовый век. Мечи, как и везде, широкие, короткие, такие годятся больше рубить, чем колоть. Сапоги высокие. Щитов нет. Впрочем, только у тех, кто вытащил нас и повел на берег. У выстроившихся снаружи было все: и щиты, и копья, и луки. Команду Никодима скрутили и уложили мордами в землю. У нас, осторожно извлеченных из тесной щели, вытащили кляпы.

– Где старик?

– Убит. – Отвечать взялся я, и быстро, поскольку Марианна тоже уже открыла рот. Моя рука одернула ее за рубашку. Мы в мужском мире, пусть привыкает. – И мальчик тоже.

– Их притопили прямо на стоянке, – все-таки влезла царица. – Под камнями.

Один из стражей врезал сапогом по борту и даже не заметил.

– Они? – Рука в бронзовом наруче указала назад, на связанных.

Мы синхронно кивнули.

– Донесение коняню уже отправили, – сообщил один из солдат тому, который спрашивал про деда Пафнутия.

До берега, куда мы стремились, рукой подать – он представлял собой вознесшуюся к небесам неприступную скалу, часть которой в середине обрушилась, и река оказалась частично перегороженной. Основная вода промывала себе путь под камнями, а для судоходства осталась небольшая протока с порогами. Здесь, на излучине, где река плавно изгибалась между неприступной каменной громадой по той стороне и предгорными холмами по этой, располагалась застава – пограничная или таможенная, или одно в другом. На холме скалилась щербинками бойниц на реку и горы бревенчатая крепость, стены охраняли часовые, незаметно никак не пройти. Если я хотел сплавиться с Марианной вниз по течению к оставленному лагерю на Западной границе, то должен был привести ее примерно сюда. Прямо в руки стражей реки. Получается, что, похитив нас, Никодим тем самым спас от смерти? Солдаты из возможных врагов превратились в спасителей. Бывает же.

Как бы там ни было, благодарности к захватчикам я не испытывал. Душа ликовала, когда одного за другим их под конвоем повели по холму вверх – внутрь крепости. За высокой стеной виднелись верхушки строений. Снаружи на стене висели привязанные бочки. Думаю, с чем-то горючим внутри. Отвязать – и покатаются прямиком на протоку, если кто-то рискнет прорваться с боем. А если такая же крепостенка стоит и по другую сторону реки на землях коняню, то всю середину можно считать внутренним морем. Никто не пройдет без спроса.

Нас развязали и по деревянному настилу свели на берег. Вода с ревом мчалась сквозь узкий проход между каменных стен, судно удерживалось на месте только канатами. Его оттащили немного назад, чтоб не мешать спускавшемуся по течению новому кораблю. Часть стражников заняла место для встречи следующих гостей, остальные сначала простучали каждую досточку и вскрыли каждый мешок, затем оставили судно и повели меня и Марианну вслед за Никодимовцами.

За открытыми настежь воротами крепости глазам открылось нечто вроде внутренностей однажды посещенного с экскурсией Раифовского монастыря, единственного в мире обладателя молчаливых лягушек. Может, в других монастырях так же, не знаю, был только в одном. Разница лишь в том, что здесь все строения размером поменьше и деревянные.

Едва нас принял страж у ворот, как сопровождавшие воины вскочили на привязанных коней и умчались.

– Я – Вешняк, – сообщил плотный улыбчивый страж, расцветя до ушей.

От него, большого и жизнерадостного, исходило так долго искомое спокойствие. Чувствовалось, как моя спутница тает под его участливым, почти отеческим взглядом.

Теперь он ждал, чтобы назвались мы.

Резко отстраненная царевна вскинула на меня гневный взор, в ответ прилетел щипок в мягкое место.

– Марьяна и Ва... ня. – В последний момент я передумал с именем. Во избежание.

А спутнице надо привыкать держать рот закрытым, когда мужчины разговаривают. И не расслабляться. Рано еще. Если вообще когда-то не рано.

– Полюбовнички?

Судя по тону, Вешняк не имел ничего против, глаза смеялись – по-доброму. Наверное, это слово здесь передает информацию, не имея обидного оттенка, но мы с царевной покрылись краской.

– Брат и сестра, – глухо сообщил я.

– Не похожи. Ну, мое дело вас принять и разместить, а родственники вы или еще нет, время покажет. Пойдемте. – Вешняк двинулся в сторону домишки, откуда чудесно пахло. – Издалека?

Вместо ответа у меня вырвался горестный вздох. Даже не представить, насколько изда- лека. Это касается меня. А насчет царевны и ее титула помолчим, тоже во избежание.

– Покормите мальцов, – громко распорядился Вешняк.

Помещение оказалось столовой. Страж усадил нас на скамью при длинном столе и куда- то вышел.

Донесся шепот Марианны:

– Почему не говоришь, что мы с той стороны? Здесь хорошие люди. Нас переправят через Большую воду, и все кончится.

– Ты еще выкуп предложи и представься по полной программе.

– И предложу, и представлюсь! – Царевна обидчиво нахмурилась.

– Сейчас местные на ту сторону ходить боятся, а если услышат про выкуп, начнут охо- титься как на волков. Твою семью, как ближайшего соседа, уничтожат одной из первых. Впро- чем, благодаря выкупам, не сразу. И еще. У вас уничтожают прибывших чертей, не разбираясь, хорошие они или плохие. Почему?

– Несут угрозу стабильности!

– Люди с той стороны реки для местных еще большая угроза, потому что близкая и известная. Повторю: все люди с той стороны.

Заметив движение, мы умолкли.

На стол подавал толстый бородач... назовем его повар, ведь кто еще будет ходить в перед- нике и нахлобученном колпаке? Кормили здесь кашей... с мясом. Нет, не так. Вот так:

С МЯСОМ!!!

Марианна содрогнулась, подавляя рвотный рефлекс.

– Это...

– Отдай мне. – Выхваченный у нее жирный кусок перекочевал в мою миску.

– Почему девочка мяса не хочет? – насторожился повар. – У нас все отменное, козлика только с утра закололи.

– Больная потому что, – брякнул я первое пришедшее в голову. – Э-э... организм с дет- ства мяса не принимает.

– А я грешным делом подумал, что вы из Каинова племени, даже рука за мечом потяну- лась. – Запанибратское подмигивание показало, что повар так шутит.

Добрые у него шутки. Если здесь все столь же добрые...

Марианна глядела с ужасом и абсолютным непониманием. Главное – она молчала, и я мысленно перекрестился, а губы вылепили беззвучное «Алле хвала». Когда мозг соотнес без- думно сделанное, захотелось улыбнуться, но что-то внутри не дало. Пусть все идет, как идет. Под какой бы крышей ни работал мой ангел-хранитель, со своей ролью он успешно справлялся, и не нужно сбивать его с толку лишним философствованием. С волками жить – по-волчьи вить, закон джунглей.

Мысли повара поменяли направление.

– Пятнадцать есть? – Облокотившись о тесаную столешницу, он пристально глядел на царевну.

Ответил я:

– Почти, но еще нет.

– Красивая невеста растет. Сыну шестнадцать, а ничего подходящего не нашли. Сколько просите? Я хоть и трапезник, а человек не бедный. Как с отцом связаться?

– Мы, – я переглянулся с окаменевшей царевной, – сироты. Родители... утонули.

– То есть, теперь ты за нее отвечаешь? Ваней зовут? Никому, Вань, девку не отдавай, срок придет, я тебя найду. Не обижу.

Трапезник еще раз масляно подмигнул и отошел. Компот нам принес поваренок, копия толстого повара, только на щеках пух вместо бороды. Зуб даю – это упомянутый сын. Отправ-

лен на смотрины. Вскоре из-за ширмочки донесся разговор отца с сыном, который старший толстяк даже не пытался приглушить:

– На днях опять ушкурники чудили, эти, должно, с пощипанного челна. Хороша девка, верно?

Сынок не ответил. Громко, во всяком случае. Но через некоторое время раздался его интересующийся голос:

– Не понимаю, почему конязь ушкурников не приструнит? Зачем вообще пускает?

– У нас договор: мы не трогаем их, они – нас. У них вода, у нас земля, у каждого свой способ заработка. В наших водах они платят десятину.

В дверях вновь появился Вешняк.

– Вань, сестрица уже на ручки просится. – Он задумчиво пожевал нижнюю губу, глаза при этом глядели куда-то в середину царевны. – Нет привычки?

Марианна вспыхнула, подогнутые ноги мигом вернулись вниз:

– У вас пол очень занозистый.

– Увы, сафьяновых сапожек предложить не могу. – Присев рядом со мной, Вешняк посе-
рьезнел, обращенный ко мне голос обрел деловитость: – Выкуп за вас кто внесет? Через кого, куда и кому весть передавать?

– Нет у нас теперь никого. Потопли.

– Родителей... ушкурники?

Я кивнул, нога наступила на холодную Марианнину. Она едва сдержалась, чтоб не влезть в разговор.

Последняя возможность сказать правду и быть переправленными за реку, пусть за выкуп, только что была уничтожена. Меня напрягла и заставила прикусить язык аналогия с чертями, Марианну – облеченная в шутку необъяснимая ярость толстяка. Если вскрыется правда о нас, совсем не факт, что кто-то отправится передавать весть.

Я умирать не торопился. Царевна, конечно, грезилась о доме, но мою компанию покидать не собиралась. Судьба совершила новый поворот, мы оба это поняли. Ладони нашли друг друга и крепко сжали.

После еды нас отвели в грубо сколоченную уборную, где Марианна, пунцовая от стыда, через меня попросила новых тряпочек на полоски.

Вешняк встревожился:

– Ранена?

– Нет. – Я опустил глаза.

– А-а, налог на взрослость. Держи вот это. Подойдет?

Из поясного мешочка появился бинт. Я передал его сквозь узкое отверстие в кособокой дверце.

Вешняка вызвали на ворота. Прежде он довел нас до дверей добротного бревенчатого сарая с копной сена внутри.

– Отдыхайте, ребята. Тяжко вам пришлось, но все плохое уже позади.

Позади? Как же, размечтались.

Снаружи темно, значит, здесь, на сеновале, проведем всю ночь. Уверен: когда временно требуется тюрьма, преступников приводят сюда же. При всем желании не сбежишь. И снаружи, после закрытия двери на засов, кто-то ходил – можно спать спокойно, чужие не нападут. Насчет своих неизвестно. Причем, неизвестно совершенно ничего. За улыбкой, как известно, прячутся зубы.

В глазах царевны встал вопрос: как будем спать?

– Завтра будем выглядеть, словно по нам кони топтались. – Ее тонкий пальчик указал на одежду.

– Пусть лучше ее помнем, – туманно объявил я, падая прямо в пахнувший прелым ворох.

Марианна чинно присела, свела колени, руки обняли их, и сверху уютно расположился подбородок. Взгляд же оказался совсем неудобным:

– Ты ел мясо!

– И мы живы. Тебе не кажется, что два эти факта как-то взаимосвязаны?

– Но мясо... это плоть!

– Овощи тоже плоть, но немножко другая. Кузнечиков ела? Ела. И улиток. И вообще.

– Только от голода.

– Вот и я только. И чтоб нас спасти. Ради выживания еще не то съем. И тебе советую. А по возвращении совсем не нужно всем рассказывать, каким образом мы выжили.

– Но Алла, да простит Она нас и примет, заповедала...

– Давно хотел спросить: действительно веришь, что все это, – моя рука совершила круг в воздухе, – сотворила Алла? Гм, да простит и примет.

Последнее прибавил, заметив ужас на лице царевны, с каждой секундой паузы возрас-тавший в геометрической прогрессии.

Однажды Зарина всухую переспорила меня на тему Аллы. Задним числом я подобрал аргументы, учел контраргументы...

– Имя Аллы нельзя говорить без этой формулы? – уточнил я на всякий случай.

– Только обращаясь к ней лично.

Воображение разыгралось, и не сразу дошло, что речь о молитве. Что бы ни говорили, богатая фантазия иногда – плохо.

На мне остановился задумчивый взор:

– Сомневаешься в существовании высших сил?

– Лишь тех, что следят за мной денно и нощно, дают свободу воли, а потом отправляют в ад, за то, что я ей пользуюсь. Скажи, если Алла всемогуща, она сможет сделать треугольный квадрат?

– За такие слова можно в ад...

– За слова? А мысли, по-твоему, высшим силам не подвластны? Однажды слышал разговор. «Попадешь в ад!» – сказал один. «Вы уверены? А кто там?» – «Такие, как ты!» Второй на минуту задумался. «А в раю такие как вы? Вам нужно поработать над своими угрозами».

Царевна потеряла дар речи.

– Знаешь, в детстве я разговаривал с домовым, – резко сменил я тему.

– Домовых не бывает. Сестрисса рассказывала, что во времена ложных пророков люди верили даже в божественность ветра или деревьев. А мама говорит, что худшее из суеверий – верить в них.

– Я тоже так говорю. Кстати, вот еще о домовых и прочем. – Мое лицо обратилось ввысь. – Алла-всеприсутствующая, невидимая и неслышимая, избавь наших родных и близких от воображаемых друзей!

Марианна не поняла юмора, и к лучшему.

– Ты ведь не серьезно о своих сомнениях? – донесся ее тихий вопрос.

– Естественно, – успокоил я напарницу, с которой, как понимаю, еще не одним пудом соли вместе давиться.

И не соврал. Это не сомнения, это уверенность. Даже вера. Царевна верит в то, что великая Алла есть, я в то, что конкретно Ее – нет. Тоже вера.

Нет. Отрицание чужой выдумки – не вера. Иначе океан – лужа, лысина – прическа, а книги – печное топливо.

Соседку уже волновало другое:

– Как думаешь, сафьян – страшный зверь?

Я подавился смешком:

– С чего ты взяла, что это зверь?

– Вешняк говорил про сапоги. У нас их делают из лошадей и волков.

– Сафьян – это такой материал, тоже кожа, но мягкая и ярко окрашенная. Чему вас только в школе учат?

Она взялась перечислять:

– Чтению, счету, политике, религии, физике, защите, выживанию... А вас?

– Тоже физике, куда ж без нее. И прочему. Что вы проходите по физике?

– Проходим? Нет, мы больше бегаем, занимаемся, делаем упражнения. Сейчас покажу.

Она завозилась, приподнимая куцую одежонку, и без особого напряжения сотворила шпагат. Разъехавшиеся в несусветную даль ступни исчезли в разворошенном сене.

Круто. Но не для меня после стаи. Легко разведя ноги, я аналогично примостился рядом.

Кое-чего о чем, оказывается, стоило подумать прежде, чем совершать резкие движения.

– Колется, – смущенно сообщил я.

– Ага, – со смешком кивнула царевна. – Солома все-таки.

Мы медленно, цепляясь растаскиваемыми ногами за соседа, расплзлись в стороны.

Две живые параллели недолго пролежали неподвижно. То локоть, то коленка, то случайно (ли?) откинута рука натыкались на напарника и с извинениями отскакивали обратно. Как шарик в пинг-понге. Ход переходил к сопернику, и ждать его, ответного, приходилось недолго. Взгляд то увязал в «сетке» временно повернувшейся спины, то отлетал от «удара» вскинутого встречного взгляда. Иногда при такой встрече он замирал в опасном предчувствии... и распадался на взбудораженные половинки. Они убегали в себя, но непроговариваемой вслух надежды, увы, не теряли.

Надежда, говорят, умирает последней. Сказки, господа присяжные заседатели. Последними в человеке умирают клетки эпителия, которые производят волосы и ногти. И это грустно. Куда ни плюнь, везде во главе оказывается физиология.

Здесь та же ерунда. Нас тянуло друг к другу. Меня толкали гормоны, напарницу тоже что-то такое. Или не такое. Кто их знает, этих девчонок, что и на что их толкает.

Перед закрывшимися глазами в подробностях проплыл минувший день. Затем предыдущий, не менее насыщенный. В мыслях я проживал их совсем по-другому. Вводя сослагательное наклонение, представлял в разных вариантах. Всегда ли был прав? Не лучше ли было...

Какая разница. Сделал все так, как должен. Точка.

На лоб и нос упали щекочущие соломинки. Затем полетело еще, как из включенной газонкосилки – это Марианна вновь устраивалась в раздвигаемом приминаемом сене. Когда улеглась окончательно, она закрылась от меня, отгородившись скрючившейся спиной. Руки обхватили низ живота, коленки прижали их, поднявшись до самой груди.

– Болит?

– Немножко.

Ну-ну. А корежит ее так, будто множко.

Не сумев отказаться от очередного удачного совмещения благородного и истинного мотивов, я повернулся к царевне и обнял сзади.

Долго лежали, слушая стук сердец.

– Знаешь, – нарушил тишину нежный голос, – у тебя врачевательский талант.

– Мама говорила: не зарывай талант в землю, не губи природу.

– Мама плохого не посоветуют. – Непонятно, отреагировала она подобным образом на шутку или пропустила мимо ушей, думая о своем. Оказалось, второе. – Не сочтешь покусением на нравственность просьбу еще раз помочь уменьшить боль?

Милые, милые грабли.

– Давай попозже. Ты засыпай, а я потом положу.

И ведь хочется наступить, и поговорку про увязший коготок помню.

– Понятно. Отсрочка – надежнейшая форма отказа.

Понятно? Ни черта тебе не понятно. Если девушка говорит «Понятно», значит, не поняла, но понапридумывала себе тако-о-ого...

Вздыхнув, я переместил ладонь с плеча на живот соседки. Она радостно ухватилась, подол взлетел чуть не до груди, вжатая в мягкое пятерня вновь обрела благодарное будоражащее наполнение.

Организм заволновался.

– Есть люди уютные, как дом, – донеслось едва слышно. – Прижмешься и понимаешь: ты дома. Ты такой.

Я не ответил. Тогда прилетело очередное, вполне ожидаемое:

– Ты хотел бы меня еще раз поцеловать, по-настоящему? Нет-нет, ни в коем случае не предлагаю, просто спрашиваю. Теоретически. Как возможность. Даже как вероятность.

Ну что делать с неугомным созданием?

– Честно?

В ответ – полная оптимизма улыбка бродячей собаки, застрявшей в ступоре между возможными пинком и косточкой.

С моей стороны рухнуло:

– Да.

Ударило тишиной. И, через вечность:

– Я тоже.

Мое молчание и старательно-ровное дыхание намекали, что разговор завершен. Любопытство удовлетворено? Спокойной ночи.

Не тут-то было. Замогильным голосом приплыло, словно из-под двух метров земли:

– Чего же мы ждем?

– Когда рак на горе свистнет.

– Кто-кто?

– Турук Макто!

– А это кто?

– Никто. Зактокала.

Обидеть не получилось. Повыбрав между обидой и прочими чувствами, царевна тихонько толкнула меня в бедро:

– Ты же не спишь.

– Но очень хочу.

– Ты сказал, хочешь меня поцеловать. Мне кажется, более спокойной и счастливой возможности, чем сейчас, уже не будет. Возможно, уже никогда не будет.

– Я тебя уже целовал. – От скрежета моих зубов перевернулись черви в земле. – И на бревне перед местными, и прошлой ночью, и раньше, когда Варвара устроила бардак с двумя обнимающимися кругами.

– Там ты меня даже не помнишь. Какой я была по счету в каком кругу? Молчишь? Ты даже не знал, что есть какая-то Марианна – тихая, неприметная, тогда еще абсолютная безымяшка. А прошлой ночью... – Глухой томный голос необъяснимо съежился и потускнел. – Простой ночью ты был не со мной. Даже вспоминать не хочу. А вот на бревне...

Боже, хоть бы эта пауза продлилась вечно!

Нет, вспоминая с закрытыми глазами царевна продолжила искушающую пытку:

– На бревне ты был искренним. Не играл роль.

– Ты видела, как я целовал Майю на дереве?

Понуро упало:

– И что?

– Там я тоже был искренним.

– Просто ты думал, что жизнь закончена.

– А сейчас у нас все впереди.

– Обещаешь?

Я недоуменно взлетел бровями:

– Что?

– Что у нас с тобой все впереди.

Вот так и попадают люди слова в ловушки.

– Столько всего уже пережили, – пробурчал я. – Понятно, впереди будет не меньше. Однозначно. Не все, но много. А много – это немало. Не раскручивай меня на то, к чему я не готов... внутренне. Будет только хуже.

– Думаешь, еще один поцелуй что-то изменит в наших отношениях?

– А ты думаешь – нет?

Я выдернул руку и отвернулся. И больше уже не поворачивался.

Глава 2

Всадники вернулись к утру. Нас разбудили, накормили и под присмотром Вешняка вывели перед неровным строем солдат. Во дворе ржали лошади, с которых сгружали тела Пафнутия и Кудряша. Один из воинов ссадил сидевшую перед ним девочку, чуть старше покойного мальчика и похожую на него. Пухленькая, светленькая лицом и темненькая ниспадающей за спину косой, она была одета в такой же, как у нас с Марианной, балахонистый сарафан без рукавов и пояса. Как понимаю, это местная детско-подростковая одежда вроде лоскута-пончо долинников. Обувь отсутствовала. Насупившись, девочка спряталась за солдат. Маленькие, узко посаженные глазки не отрываясь глядели на нас.

Донесли тихие переговоры Вешняка с прибывшими:

– Когда будет конязь?

– Сказано, что едет. А насчет этих... – Несколько взглядов переместились на нас, стоявших перед всеми как экспонаты на выставке. – Мальчишки их тоже встречали. Точно, брат и сестра. Только имя перепутали, говорят, что вроде Васей кликали. Напутали. Что Вася, что Ваня, один крен – в старину. Девки тоже видели. Ухмылялись, что брат с сестрой такими вещами, вообще-то, не занимаются.

– Какими?

– Гольшом по лесу не бродят, от людей не прячутся. Мальчишки тоже сказали, что у парочки из одежды только повязка у пацана.

Озадаченный Вешняк оглянулся на меня:

– Вань, проясни-ка ситуацию.

Четверо воинов на всякий случай взяли нас в кольцо. Командир приблизился, кисть с намеком потеребила рукоять меча.

– На нас ушкурники напали. Ночью. – По сочинениям у меня всегда была пятерка. – В каком виде спали, в том и сползли потихоньку в воду с противоположного борта.

Что-то я ляпнул не то. Воины задумчиво переглядывались, командир вскинул бровь:

– Спите без одежды?

Доверием даже не пахло. Вчерашнее доброжелательство как корова слизала, лица на нас смотрели злые, суровые.

От Марианны полыхнуло жаром, щеки пошли пятнами.

– Если жарко, то да, – поспешно объяснил я.

– И вся команда так?

Воины ухмыльнулись, но напряжение только усилилось.

– Мы спали отдельно от команды, закутанными в простыни. Нас разбудили и помогли перебраться через борт. В воде простыни пришлось бросить.

– Сынок, сказки будешь рассказывать сестричке или кто она тебе там. На палубе холодно, потому что: во-первых, река, во-вторых, ночь, в третьих, декабрь. Слова о жаре можешь вставить себе...

– Нас везли в трюме... в чердаке. – Слово вспомнилось вовремя и прозвучало вроде бы правильно, вопросов не возникло. – Всю семью. Мы... беженцы.

Солдаты скривили губы:

– И здесь они. Скоро все заплонят. Чертова дикая империя. Не мучь мальцов, Глазун, им и так досталось.

Гроза прошла мимо. Командир, названный Глазуном, осведомился вполне добродушно:

– Вам сколько годков?

– Четырнадцать! – помня слова толстяка о браке с пятнадцати, выдохнула Марианна.

– И мне.

Царевна покосилась на меня, с удовольствием поняв, что не хочу жениться и не смогу, если предложат... или заставят.

– Близнецы, что ли? – сопоставил Глазун полученные факты.

– Двойняшки.

– А не похожи.

– У нас разные отцы, – влезла царевна.

Еще пихнулась в ответ на мой щипок. Ее глаза гневно зыркнули: объясняю тупым очевидное!

При первой возможности нужно провести ликбез: что можно говорить, а чего вообще не касаться. Впрочем, в мужском мире ей лучше вообще зашить рот, а еще лучше зашить все, и я буду спокоен: до нашего возвращения с подопечной ничего не случится.

Глазун ехидно переглянулся со своими: обычно такую информацию не выбалтывают направо и налево, это семейный секрет, но что взять с глупой девчонки.

Марианна ничего не поняла.

– Конязь! – громко разнеслось со стены крепости.

Что такое цунами по сравнению с приездом начальства? Всех смело, как той гигантской волной, но разбросало строго по рабочим местам: Вешняк унесся к воротам, всадники – к оставленным коням, о нас словно забыли.

Не забыли. Сзади появился хмурый богатырь с мечом наголо:

– Стойте, где стоите. Конязя приветствовать поклоном, любое резкое движение приравнивается к нападению, если что-то спросит – отвечать по делу и не шевелиться.

Свита местного начальника состояла из десятка дружинников. Упакованы они были не хуже заречных царберов: доспехи блестели начищенным металлом, на шлемах распушили хвосты плюмажи неизвестного происхождения, коней покрывали попоны в сине-белых тонах. Точнее, синие с белой каймой, и такую же расцветку имела накидка конязя. Гром конского топота смешивался с лязгом бронзы – словно котов увешали консервными банками и подожгли хвосты, только коты эти размером с гиппопотамов.

Пока спешившийся конязь принимал здравицы и шествовал мимо, доносились обрывки доклада:

– Ушкурники ночью купчиков прищучили, которые на мель напоролись – по дурости или недосмотру после заставы взяли правее, чем надо. Двух подростков снесло на нашу сторону, гляделец передал. Специально искать не стали, по словам очевидцев они сами шли напрямиком на верхнюю заставу. За тот берег отвечали Зырянковские. Дед из Немирова семейства отправился за платой, а гости оказались с норовом. За мальцом-глядельцем дед предусмотрительно поставил издали следить девчонку. – Взмах головы указал на малявку, которая из-под солдатских ног жадно разглядывала конязя. – Зареванная девка примчалась на пост, те известили вас и вовремя успели к нам.

Начальство с хвостом сопровождающих удалилось в прочное строение, куда еще вчера отвели Никодимову команду.

Две фразы меня просто убили: «Подростков снесло на нашу сторону, гляделец передал» и «Специально искать не стали, по словам очевидцев они сами шли напрямиком на верхнюю заставу». А мне казалось, что мы (в первую очередь – непогрешимо-самоуверенный я) такие умные, прошли по пограничной зоне никем не замеченными. Еще плот собирались строить. В глаза красной от пяток до ушей царевны было стыдно смотреть. Она на меня тоже не глядела, видимо, вспоминая, в каком виде мы бродили по побережью, и что кто-то, как выяснилось, старательно собирал и классифицировал эти факты.

Через минуту началась беготня. К реке унеслось несколько человек, застучали топоры. Дружинники и воины выстроились красивыми рядами, неподалеку от нас встал сам конязь, придирчиво наблюдавший за окончанием работ. На нас высокое начальство едва взглянуло.

Рослый, широкий в груди и плечах, конязь внушал почтение и трепет, про таких говорят – человек на своем месте. Местный властитель отличался сурово-мужественной внешностью, потрошавшим взглядом и лицом много повидавшего человека. Окладистая борода пробивалась сединой, возраст вплотную приблизился к экватору века или уже уполз за него. Годы еще не сказались на выправке и стати, но уже подтачивали тело, упивавшееся последними радостями молодости – по-прежнему легко взлететь в седло и почти невесомо соскользнуть, резко нагнуться или стремительно шагнуть к кому-то, словно что-то увидев, что вызывало переполох и шараханье. Сейчас он застыл недвижимо, и прочие, кто не участвовал в происходящем напрямую, тоже превратились в каменные изваяния.

Конязь рта не раскрывал, его заранее обговоренные мнение и приказы огласил один из приспешников:

– Люди доброй воли, честные, свободные и равноправные! Свершилось злодейство. Не по праву отняты жизни и в нарушение устоев отобрана свобода. Нет сомнений, кто это сделал и зачем. Потому во имя справедливости да ниспослет Святой Никола кару на головы убийц! Челн, добро и доспехи изымаются в казну и подлежат продаже. Злодеев – на кол. Приемышей отдать пострадавшему семейству. Таково слово конязя!

Перед нами по числу Никодимовской команды положили заточенные с одного конца тонкие бревна метра в три длиной, затем привели... скорее – притащили самих преступников. Они отказывались идти, забитые кляпами рты мычали, связанные за спиной руки тщетно пытались высвободиться. Удары сапог, подломившие ноги, опрокинули их, заставив упасть ничком, остатки одежд отправились в сторону или были задраны повыше, и брыкавшиеся тела как шпалы разложили рядом перед самыми остриями. По одному солдату село каждому на спину, еще по одному прижали шеи к земле, последние участники действия приблизились к тыльным сторонам кольев с молотами в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.